Bes iz butylki

Unbekannter Autor

SHOUT
SHARE
IT

•

Роберт Льюис Балфур Стивенсон. Бес из бутылки

There was a man of the Island of Hawaii, whom I shall call Keawe; for the truth is, he still lives, and his name must be kept secret; but the place of his birth was not far from Honaunau, where the bones of Keawe the Great lie hidden in a cave.

На одном из Гавайских островов жил человек, которого мы будем называть Кэаве, так как, правду сказать, он жив до сих пор, и его настоящее имя должно остаться тайной; родился же он неподалеку от Хонаунау, где в пещере покоятся останки Кэаве Великого.

This man was poor, brave, and active; he could read and write like a schoolmaster; he was a first-rate mariner besides, sailed for some time in the island steamers, and steered a whaleboat on the Hamakua coast. At length it came in Keawe's mind to have a sight of the great world and foreign cities, and he shipped on a vessel bound to San Francisco.

Человек этот был беден, деятелен и храбр, знал грамоту не хуже школьного учителя и слыл к тому же отличным моряком; он плавал и на каботажных судах и водил вельбот у берегов Хамакуа, пока не взбрело ему на ум поглядеть белый свет и чужие города, и тогда он нанялся на судно, уходившее в рейс до Сан-Франциско.

This is a fine town, with a fine harbour, and rich people uncountable; and in particular, there is one hill which is covered with palaces.

Сан-Франциско - красивый город с красивым портом, и богачей в нем видимо-невидимо, и есть там холм - сплошь одни дворцы.

Upon this hill Keawe was one day taking a walk with his pocket full of money, viewing the great houses upon either hand with pleasure.

Как-то раз Кэаве, позвякивая монетами в кармане, прогуливался на этом холме и любовался домами по обеим сторонам улицы.

"What fine houses these are!" he was thinking, "and how happy must those people be who dwell in them, and take no care for the morrow!"

"Какие красивые дома! - думал Кэаве. - И какие, верно, счастливые люди в них живут, не знная забот о завтрашнем дне!"

The thought was in his mind when he came abreast of a house that was smaller than some others, but all finished and beautified like a toy; the steps of that house shone

Так размышлял он, когда поравнялся с домом, который был хоть и поменьше остальных, но нарядный и красивый, как игрушка; ступени крыльца

like silver, and the borders of the garden bloomed like garlands, and the windows were bright like diamonds; and Keawe stopped and wondered at the excellence of all he saw.

блестели, будто серебряные, живые изгороди походили на цветущие гирлянды, окна сверкали, словно алмазы, и Кэаве остановился, дивясь такому совершенству, открывшемуся его глазам.

So stopping, he was aware of a man that looked forth upon him through a window so clear that Keawe could see him as you see a fish in a pool upon the reef.

И, стоя так перед домом, заметил он, что какой-то человек смотрит на него из окна, стекло которого было столь прозрачно, что Кэаве видел этого человека не хуже, чем мы видим рыбу, стоящую в лужице, оставшейся на камнях в час отлива.

The man was elderly, with a bald head and a black beard; and his face was heavy with sorrow, and he bitterly sighed.

Человек этот был уже в летах, лыс, с черной бородой; лицо его казалось печальным и хмурым, и он горестно вздыхал.

And the truth of it is, that as Keawe looked in upon the man, and the man looked out upon Keawe, each envied the other.

И вот Кэаве смотрел на этого человека, а тот смотрел из окна на Кэаве, и оба они - подумать только! - позавидовали друг другу.

All of a sudden, the man smiled, and nodded, and beckoned Keawe to enter, and met him at the door of the house.

Вдруг незнакомец улыбнулся, кивнул и, поманив Кэаве, встретил его в дверях дома.

"This is a fine house of mine," said the man, and bitterly sighed.

- Мой дом очень красив, - сказал человек с тяжким вздохом.

"Would you not care to view the chambers?"

- Не пожелаешь ли ты осмотреть покои?

So he led Keawe all over it, from the cellar to the roof, and there was nothing there that was not perfect of its kind, and Keawe was astonished.

И он провел Кэаве по всему дому - от погреба до чердака, и все здесь казалось столь совершенным, что Кэаве был поражен.

"Truly," said Keawe, "this is a beautiful house; if I lived in the like of it I should be laughing all day long.

- Поистине, - сказал Кэаве, - это прекрасный дом. Жил бы я в таком доме, так, верно, смеялся бы от радости с утра до вечера.

How comes it, then, that you should be sighing?"

А ты вот вздыхаешь, почему бы это?

"There is no reason," said the man,- И ты тоже, - сказал человек, -
"why you should not have a house можешь иметь дом, во всем
in all points similar to this, and схожий с этим, стоит тебе только
finer, if you wish. пожелать.
You have some money, I suppose?" У тебя, надо полагать, есть деньги?
"I have fifty dollars," said Keawe; - У меня есть пятьдесят
"but a house like this will cost долларов, - сказал Кэаве, -но
more than fifty dollars." такой дом должен стоить много дороже.
The man made a computation. Человек что-то прикинул в уме.
"I am sorry you have no more," - Жаль, что у тебя так мало
said he, "for it may raise you денег, - сказал он. -Это причинит
trouble in the future; but it shall be тебе лишние хлопоты в
yours at fifty dollars." будущем, но тем не менее можешь получить и за пятьдесят долларов.
"The house?" asked Keawe. - Этот дом? - спросил Кэаве.
"No, not the house," replied the - Нет, не дом, - отвечал человек,
man; "but the bottle. - а бутылку.
For, I must tell you, although I Видишь ли, должен тебе
appear to you so rich and признаться, что все мое
fortunate, all my fortune, and this богатство, хоть, может, я и
house itself and its garden, came кажусь тебе великим богачом и
out of a bottle not much bigger удачником, - этот дом и этот сад,
than a pint. - все возникло из бутылки величиной чуть больше пинты.
This is it." Вот она.
And he opened a lockfast place, И, отперев какой-то шкафчик, он
and took out a round-bellied bottle достал оттуда круглую пузатую
with a long neck; the glass of it бутылку с длинным горлышком.
was white like milk, with changing Бутылка была из белого
rainbow colours in the grain. молочного стекла, переливавшегося всеми цветами и оттенками радуги.
Withinsides something obscurely А внутри бутылки светилось и
moved, like a shadow and a fire. трепетало что-то неуловимое, подобное то тени, то языку пламени.
"This is the bottle," said the man; - Вот она, эта бутылка, - сказал
and, when Keawe laughed, "You do человек и, когда Кэаве
not believe me?" he added. рассмеялся, добавил: - Ты не веришь мне?
"Try, then, for yourself. Так испытай ее сам.

See if you can break it."

Попробуй-ка ее разбить.

So Keawe took the bottle up and dashed it on the floor till he was weary; but it jumped on the floor like a child's ball, and was not injured.

И тогда Кэаве взял бутылку и стал швырять ее об пол, пока не утомился, но бутылка отскакивала от пола, словно детский мяч, и хоть бы что.

"This is a strange thing," said Keawe.

- Удивительное дело, - сказал Кэаве.

"For by the touch of it, as well as by the look, the bottle should be of glass."

- Поглядеть да потрогать, так кажется, будто эта бутылка из стекла.

"Of glass it is," replied the man, sighing more heavily than ever; "but the glass of it was tempered in the flames of hell.

- Она и есть из стекла, - еще горестней вздохнув, отвечал человек, - да только стекло закалилось в адском пламени.

An imp lives in it, and that is the shadow we behold there moving; or so I suppose.

В этой бутылке живет черт - видишь, там что-то движется, словно тень какая-то.

If any man buy this bottle the imp is at his command; all that he desires-- love, fame, money, houses like this house, ay, or a city like this city—all are his at the word uttered.

Это черт, или так по крайней мере я думаю. Человек, который приобретет другу бутылку, будет повелевать чертом, и чего бы он отныне себе ни пожелал, все - любовь, слава, деньги, дома, подобные этому, да, да, и даже города, подобные этому, - все получит он по первому своему слову.

Napoleon had this bottle, and by it he grew to be the king of the world; but he sold it a the last, and fell.

Наполеон владел этой бутылкой, и она сделала его властелином мира, но потом он продал ее и пал.

Captain Cook had this bottle, and by it he found his way to so many islands; but he, too sold it, and was slain upon Hawaii.

Капитан Кук владел этой бутылкой, и она открыла ему путь ко многим островам, но и он тоже продал ее, и был убит на Гавайях.

For, once it is sold, the power goes and the protection; and unless a man remain content with what he has, ill will befall him."

Ибо, как только продашь бутылку, сразу лишаешься ее могущественной защиты, и если не удовольствуешься тем, что имеешь, к тебе приходит беда.

"And yet you talk of selling it yourself?" Keawe said.

- А как же ты сам говоришь, что хочешь ее продать? - спросил

Кэаве.

"I have all I wish, and I am growing elderly," replied the man.
- У меня есть все, чего я могу пожелать, и ко мне подкрадывается старость, - отвечал человек.

"There is one thing the imp cannot do--he cannot prolong life; and, it would not be fair to conceal from you, there is a drawback to the bottle; for if a man die before he sells it, he must burn in hell for ever."
- Только одного не может сделать черт в бутылке: он не может продлить человеку жизнь. И было бы нечестно утаить от тебя, что у этой бутылки есть недостаток: если человек умрет, не успев ее продать, он обречен вечно гореть в аду.

"To be sure, that is a drawback and no mistake," cried Keawe.
- Да, уж это и впрямь недостаток, спору нет, - воскликнул Кэаве.

"I would not meddle with the thing.
- Я бы нипочем не стал связываться с такой чертовщиной.

I can do without a house, thank God; but there is on thing I could not be doing with one particle, and that is to be damned."
Могу, слава тебе господи, прожить и без дома. А вот накликать вечное проклятие на свою голову -это уж нет, не согласен.

"Dear me, you must not run away with things, " returned the man.
- Полно, не торопись, зачем так далеко заглядывать вперед, - возразил человек.

"All you have to do is to use the power of the imp in moderation, and then sell it to someone else, as I do to you, and finish your life in comfort."
- Нужно только разумно воспользоваться услугами черта, а затем продать бутылку кому-нибудь еще, как я сейчас продаю ее тебе, и ты закончишь дни свои в покое и довольстве.

"Well, I observe two things," said Keawe.
- А я вот что примечаю, - сказал Кэаве.

"All the time you keep sighing like a maid in love, that is one; and, for the other, you sell this bottle very cheap."
- Перво-наперво, ты то и дело вздыхаешь, словно влюбленная девушка, а еще - больно уж дешево продаешь ты эту бутылку.

"I have told you already why I sigh," said the man.
- Я уже сказал тебе, почему я вздыхаю, - отвечал человек.

"It is because I fear my health is breaking up; and, as you said
- Чувствую я, что здоровье мое слабеет, и это меня пугает; ведь

yourself, to die and go to the devil is a pity for anyone.

ты же сам сказал: никому не охота, померев, отправиться в преисподнюю.

As for why I sell so cheap, I must explain to you there is a peculiarity about the bottle.

А вот почему я так дешево продаю, - тут тебе надо объяснить еще одну особенность этой бутылки.

Long ago, when the devil brought it first upon earth, it was extremely expensive, and was sold first of all to Prester John for many millions of dollars; but it cannot be sold at all, unless sold at a loss.

В незапамятные времена, когда Сатана впервые принес бутылку на землю, она стоила неслыханно дорого, и Пресвитер Иоанн, первый, кто ее купил, отдал за нее несколько миллионов долларов. Но дело в том, что эту бутылку нельзя продать иначе, как с убытком для себя.

If you sell it for as much as you paid for it, back it comes to you again like a homing pigeon.

Если ты продашь ее за ту же цену, за какую купил, она снова вернется к тебе, как голубь в голубятню.

It follows that the price has kept falling in these centuries, and the bottle is now remarkably cheap.

Понятно, что цена ее из века в век все падала и теперь уже стала на удивление низкой.

I bought it myself from one of my great neighbours on this hill, and the price I paid was only ninety dollars.

Я сам купил эту бутылку у одного из моих богатых соседей и уплатил всего девяносто долларов.

I could sell it for as high as eighty-nine dollars and ninety-nine cents, but not a penny dearer, or back the thing must come to me.

Я могу продать ее за восемьдесят девять долларов и девяносто девять центов, но ни на цент дороже, иначе она тут же вернется ко мне обратно...

Now, about this there are two bothers. First, when you offer a bottle so singular for eighty odd dollars, people suppose you to be jesting.

Из-за этого возникают два затруднения: во-первых, когда ты хочешь продать такую редиковинную бутылку за какие-нибудь восемьдесят долларов, люди думают, что ты просто шутишь.

And second--but there is no hurry about that--and I need not go into it.

А во-вторых... Ну, да это потом... Я, собственно, не обязан вдаваться во все подробности.

Only remember it must be coined

Только учти - бутылка продается

money that you sell it for."
лишь за ходячую монету.

"How am I to know that this is all true?" asked Keawe.
- Откуда мне знать, что все это правда? - сказал Кэаве.

"Some of it you can try at once," replied the man.
- Кое-что ты можешь проверить сразу же, -отвечал человек.

"Give me your fifty dollars, take the bottle, and wish your fifty dollars back into your pocket.
- Отдай мне пятьдесят долларов, возьми бутылку и пожелай, чтобы твои деньги возвратились к тебе в карман.

If that does not happen, I pledge you my honour I will cry off the bargain and restore your money."
Если этого не произойдет, честью тебе клянусь, что буду считать сделку несостоявшейся и верну тебе деньги.

"You are not deceiving me?" said Keawe.
- Ты не обманываешь меня? - спросил Кэаве.

The man bound himself with a great oath.
Человек торжественно поклялся, что говорит правду.

"Well, I will risk that much," said Keawe, "for that can do no harm."
- Что ж, пожалуй, я рискну, - сказал Кэаве. - Ведь от этого беды не будет.

And he paid over his money to the man, and the man handed him the bottle.
И он отдал свои деньги человеку, а человек протянул ему бутылку.

"Imp of the bottle," said Keawe, "I want my fifty dollars back."
- Ну, черт в бутылке, - промолвил Кэаве, - верни мне мои пятьдесят долларов.

And sure enough he had scarce said the word before his pocket was as heavy as ever.
И что же - едва произнес он эти слова, как карман его снова стал так же тяжел, как прежде.

"To be sure this is a wonderful bottle," said Keawe.
- Это и в самом деле чудесная бутылка, - сказал Кэаве.

"And now, good morning to you, my fine fellow, and the devil go with you for me!" said the man.
- А теперь прощай, приятель! - сказал человек. -Проваливай отсюда, и дьявол с тобой!

"Hold on," said Keawe,
- Постой! - сказал Кэаве.

"I don't want any more of this fun. Here, take your bottle back."
- Хватит с меня этих шуток. На, бери обратно свою бутылку.

"You have bought it for less than I paid for it," replied the man, rubbing his hands.
- Ты заплатил за нее меньше, чем я, - заметил человек, потирая руки, - и теперь это твоя бутылка.

"It is yours now; and, for my part, I am only concerned to see the back of you."
А мне нужно только одно: побыстрей увидеть твою спину.

And with that he rang for his- И с этими словами он позвонил
Chinese servant, and had Keawe своему слуге-китайцу, и тот
shown out of the house. выпроводил Кэаве из дома.

Now, when Keawe was in the Очутившись на улице с
street, with the bottle under his бутылкой под мышкой, Кэаве
arm, he began to think. принялся размышлять:

"If all is true about this bottle, I "Если все, что этот человек
may have made a losing bargain," говорил, - правда, я, кажется,
thinks he. опростоволосился.

"But perhaps the man was only Но, может, он просто дурачил
fooling me." меня?"

The first thing he did was to count Тут Кэаве прежде всего
his money; the sum was exact-- пересчитал свои деньги: ровно
forty-nine dollars American сорок девять американских
money, and one Chili piece. долларов и одна чилийская
монета.

"That looks like the truth," said "Похоже, что все правда, - сказал
Keawe. себе Кэаве.

"Now I will try another part." - Ну-ка, испытаем ее теперь по-
другому".

The streets in that part of the city Улицы в этой части города были
were as clean as a ship's decks, and чистые-чистые, прямо как
though it was noon, there were no корабельная палуба, и прохожих
passengers. - ни души, хотя был уже
полдень.

Keawe set the bottle in the gutter Кэаве бросил бутылку в
and walked away. Twice he looked водосточную канаву и зашагал
back, and there was the milky, прочь; раза два он оглянулся:
round-bellied bottle where he left пузатая, молочно-белая бутылка
it. лежала там, где он ее оставил.

A third time he looked back, and Кэаве оглянулся в третий раз и
turned a corner; but he had scarce завернул за угол, но не успел он
done so, when something knocked сделать и шага, как что-то
upon his elbow, and behold! it was ткнулось в его локоть, и -
the long neck sticking up; and as подумайте! - пузатая бутылка
for the round belly, it was jammed уже оттягивает ему карман
into the pocket of his pilot- coat. бушлата, а узкое горлышко ее
торчит наружу.

"And that looks like the truth," said "Похоже, что и это тоже правда",
Keawe. - подумал Кэаве.

The next thing he did was to buy a Что же сделал теперь Кэаве? Он
cork-screw in a shop, and go apart купил в лавке штопор и, выйдя
into a secret place in the fields. из города, направился в
безлюдное поле.

And there he tried to draw theТам он попытался откупорить
cork, but as often as he put theбутылку, но сколько ни
screw in, out it came again, andввинчивал в пробку штопор, его
the cork as whole as ever. тут же выпирало обратно, а пробка оставалась цела и невредима.

"This is some new sort of cork,""Какой-то новый сорт пробки", -
said Keawe, and all at once heподумал Кэаве, и тут он вдруг
began to shake and sweat, for hevесь затрясся, как в лихорадке, и
was afraid of that bottle. покрылся испариной: ему стало страшно.

On his way back to the port-side,Шагая обратно в порт, Кэаве
he saw a shop where a man soldувидел лавчонку, где какой-то
shells and clubs from the wildчеловек продавал раковины,
islands, old heathen deities, oldдубинки дикарей-островитян,
coined money, pictures from Chinaстаринные монеты, старых
and Japan, and all manner ofязыческих божков, китайские и
things that sailors bring in theirяпонские рисунки и прочие
sea-chests. разные вещицы, которые привозят в своих сундучках матросы.

And here he had an idea. И тут Кэаве осенила новая мысль.

So he went in and offered theОн вошел в лавчонку и
bottle for a hundred dollars. предложил хозяину купить у него бутылку за сто долларов.

The man of the shop laughed atТорговец сначала только
him at the first, and offered himпосмеялся и предложил Кэаве
five; but indeed, it was a curiousпять долларов; однако это и в
bottle--such glass was never blownсамом деле была занятная
in any human glass-works, sобутылка - такого стекла не
prettily the colours shown underвыдувал ни один стеклодув на
the milky white, and so strangelyземле, ее молочная белизна так
the shadow hovered in the midst;красиво переливалась всеми
so, after he had disputed awhileцветами радуги, и такая
after the manner of his kind, theтаинственная тень трепетала у
shopman gave Keawe sixty silverнее внутри... Словом,
dollars for the thing, and set it onпоторговавшись, как водится,
a shelf in the midst of his window. хозяин дал Кэаве шестьдесят серебряных долларов за его бутылку и водрузил ее на полке в самом центре своей витрины.

"Now," said Keawe, "I have sold"Ну вот, - сказал себе Кэаве, - я
that for sixty which I bought forпродал ее за шестьдесят

fifty--so, to say truth, a little less, because one of my dollars was from Chili.

долларов, хотя купил за пятьдесят, а по правде, и того дешевле, - ведь один-то доллар у меня был чилийский.

Now I shall know the truth upon another point."

Теперь проверим это дело еще раз".

So he went back on board his ship, and, when he opened his chest, there was the bottle, and had come more quickly than himself.

И Кэаве вернулся на корабль, но когда он отомкнул свой сундучок, бутылка была уже там: она его опередила.

Now Keawe had a mate on board whose name was Lopaka.

А у Кэаве на корабле был дружок, которого звали Лопака.

"What ails you?" said Lopaka, "that you stare in your chest?"

- Что это с тобой? - спросил Лопака. - Чего ты уставился на свой сундук?

They were alone in the ship's forecastle, and Keawe bound him to secrecy, and told all.

Они были одни в кубрике, и Кэаве, взяв с товарища клятву молчать, поведал ему все.

"This is a very strange affair," said Lopaka; "and I fear you will be in trouble about this bottle.

- Диковинная история, - сказал Лопака. - Боюсь, натерпишься ты горя с этой бутылкой.

But there is one point very clear--that you are sure of the trouble, and you had better have the profit in the bargain.

Одно хоть ясно: ты знаешь, какая беда тебе угрожает. А раз так, надо извлечь пользу из этой сделки.

Make up your mind what you want with it; give the order, and if it is done as you desire, I will buy the bottle myself; for I have an idea of my own to get a schooner, and go trading through the islands."

Обдумай хорошенько, что ты хочешь себе пожелать, вели бутылке это сделать, а если она исполнит твою волю, я сам куплю ее у тебя. Потому, как мне давно запала на ум одна мыслишка: хочу заиметь шхуну и заняться торговлей на островах.

"That is not my idea," said Keawe; "but to have a beautiful house and garden on the Kona Coast, where I was born, the sun shining in at the door, flowers in the garden, glass in the windows, pictures on the walls, and toys and fine carpets on the tables, for all the world like the house I was in this day--only a storey higher, and with balconies

- Это не по мне, - сказал Кэаве. - Я хочу иметь красивый дом и сад на побережье Кона, где я родился, и чтобы солнце светило прямо в окна, и в саду цвели цветы, и в окнах были стекла, и на стенах картины, и на столах красивые скатерти и безделушки - словом, совсем, как в том доме, где я был сегодня... И пусть даже

all about like the king's palace; and to live there without care and make merry with my friends and relatives."

мой дом будет на один этаж повыше и со всех сторон окружен балконами, как королевский дворец, и я буду жить там без забот и веселиться с моими друзьями и родственниками.

"Well," said Lopaka, "let us carry it back with us to Hawaii, and if all comes true, as you suppose, I will buy the bottle, as I said, and ask a schooner."

- Вот что, - сказал Лопака. - Давай увезем ее с собой на Гавайи, и, если все, чего ты пожелал, сбудется, я куплю у тебя бутылку, как уже сказал, и попрошу себе шхуну.

Upon that they were agreed, and it was not long before the ship returned to Honolulu, carrying Keawe and Lopaka, and the bottle.

На том и порешили, и вскоре корабль возвратился в Гонолулу и доставил туда и Кэаве, и Лопаку, и бутылку.

They were scarce come ashore when they met a friend upon the beach, who began at once to condole with Keawe.

Не успели они сойти на берег, как повстречали на пристани одного знакомого, и тот с первых же слов начал выражать Кэаве сочувствие.

"I do not know what I am to be condoled about," said Keawe.

- Не пойму я что-то, почему ты меня жалеешь? -спросил Кэаве.

"Is it possible you have not heard," said the friend, "your uncle--that good old man--is dead, and your cousin--that beautiful boy--was drowned at sea?"

- Да разве ты ничего не знаешь? - удивился знакомый. - Ведь твой дядюшка... такой почтенный был старик... скончался, и твой двоюродный брат... такой красивый был малый... утонул в море.

Keawe was filled with sorrow, and, beginning to weep and to lament he forgot about the bottle.

Кэаве очень опечалился, заплакал, и запричитал, и совсем забыл про бутылку.

But Lopaka was thinking to himself, and presently, when Keawe's grief was a little abated,

Но у Лопаки другое было на уме, и, когда скорбь Кэаве поутихла, Лопака сказал:

"I have been thinking," said Lopaka. "Had not your uncle lands in Hawaii, in the district of Kau?"

- А я вот о чем думаю: у твоего дядюшки не было ли землицы на Гавайях, в районе Каю?

"No," said Keawe, "not in Kau; they are on the mountain-side--a little way south of Hookena."

- Нет, - сказал Кэаве, - в Каю не было. Был участок на гористом берегу, малость южнее Хоокены.

"These lands will now be yours?"

- Теперь эта земля перейдет к

asked Lopaka.
тебе? - спросил Лопака.

"And so they will," says Keawe,
- Да, ко мне, - молвил Кэаве и

and began again to lament for his
снова принялся оплакивать

relatives.
своих усопших родственников.

"No," said Lopaka, "do not lament
- Погоди, - сказал Лопака.

at present.

I have a thought in my mind.
- Перестань причитать на минуту, мне кое-что пришло в голову.

How if this should be the doing of
А может, все это наделала

the bottle?
бутылка?

For here is the place ready for your
Потому, как видишь, уже и

house."
место готово для твоего дома.

"If this be so," cried Keawe, "it is a
- Ну, если так, - вскричал Кэаве, -

very ill way to serve me by killing
хорошенькую же она мне

my relatives.
сослужила службу! Кто ее просил убивать моих родственников?

But it may be, indeed; for it was in
А ведь, может, ты и прав - дом-то

just such a station that I saw the
представлялся мне точнехонько

house with my mind's eye."
на том самом месте.

"The house, however, is not yet
- Но дом же еще не построен, -

built," said Lopaka.
сказал Лопака.

"No, nor like to be!" said Keawe,
- Нет, да и не похоже, что будет

"for though my uncle has some
когда-нибудь построен, - сказал

coffee and ava and bananas, it will
Кэаве. - Правда, у дядюшки было

not be more than will keep me in
немного кофейных деревьев,

comfort; and the rest of that land is
айвы и бананов, но этого мне

the black lava."
только-только хватит на прожитие. А остальной его участок - это просто черная лава.

"Let us go to the lawyer," said
- Давай-ка сходим к стряпчему, -

Lopaka;
сказал Лопака.

"I have still this idea in my mind."
- Все-таки эта мысль не дает мне покоя.

Now, when they came to the
Ну, а когда они пришли к

lawyer's, it appeared Keawe's uncle
стряпчему, оказалось, что

had grown monstrous rich in the
дядюшка Кэаве перед самой

last days, and there was a fund of
смертью вдруг страшно

money.
разбогател и оставил после себя целое состояние.

"And here is the money for the
- Вот тебе и деньги на постройку

house!" cried Lopaka.
дома! -воскликнул Лопака.

"If you are thinking of a new
- Если вы намерены построить

house," said the lawyer, "here is the card of a new architect, of whom they tell me great things."

дом, - сказал стряпчий, - тут у меня есть визитная карточка нового архитектора, его очень хвалят.

"Better and better!" cried Lopaka. "Here is all made plain for us. Let us continue to obey orders."

- Совсем хорошо! - сказал Лопака. - Смотри-ка, о нас уже позаботились. Надо только слушаться бутылки.

So they went to the architect, and he had drawings of houses on his table.

И они отправились к архитектору, а у того уже и чертежи на столе разложены.

"You want something out of the way," said the architect.

- Вы ведь хотите что-нибудь необычное, - сказал архитектор.

"How do you like this?" and he handed a drawing to Keawe.

- А как вам понравится вот это? - И он протянул чертеж Кэаве.

Now, when Keawe set eyes on the drawing, he cried out aloud, for it was the picture of his thought exactly drawn.

А Кэаве, как только глянул на чертеж, так не удержался и громко ахнул, потому что там был изображен в точности такой дом, какой являлся ему в мечтах.

"I am for this house," thought he.

"Быть этому дому моим, - подумал он.

"Little as I like the way it comes to me, I am in for it now, and I may as well take the good along with the evil."

- Знаю, темное это дело и не по душе оно мне, но раз уж я связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря".

So he told the architect all that he wished, and how he would have that house furnished, and about the pictures on the wall and the knick-knacks on the tables; and he asked the man plainly for how much he would undertake the whole affair.

И он стал объяснять архитектору, чего ему хочется и как надо обставить дом - и про картины на стенах и про безделушки на столах, - а потом спросил его напрямик, сколько это будет стоить.

The architect put many questions, and took his pen and made a computation; and when he had done he named the very sum that Keawe had inherited.

Архитектор задал Кэаве множество разных вопросов, затем взял перо и принялся вычислять, а покончив с вычислениями, назвал ровнехонько ту сумму, какая досталась Кэаве в наследство.

Lopaka and Keawe looked at one

Лопака и Кэаве переглянулись и

another and nodded.

кивнули.

"It is quite clear," thought Keawe, "that I am to have this house, whether or no.

"Яснее ясного, - подумал Кэаве. - Хочу не хочу, а быть этому дому моим.

It comes from the devil, and I fear I will get little good by that; and of one thing I am sure, I will make no more wishes as long as I have this bottle.

Достался он мне от Сатаны и до добра не доведет. Но одно я познаю твердо: пока у меня эта бутылка, я больше никогда ничего себе не пожелаю.

But with the house I am saddled, and I may as well take the good along with the evil."

А с этим домом мне уже не разделаться, и теперь, куда ни шло, раз связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря".

So he made his terms with the architect, and they signed a paper; and Keawe and Lopaka took ship again and sailed to Australia; for it was concluded between them they should not interfere at all, but leave the architect and the bottle imp to build and to adorn that house at their own pleasure.

И он заключил с архитектором контракт, и они оба его подписали. А потом Кэаве и Лопака снова нанялись на корабль и поплыли в Австралию, так как уже решили промеж себя ни во что не вмешиваться и предоставить архитектору и черту в бутылке строить дом и украшать его в свое удовольствие.

The voyage was a good voyage, only all the time Keawe was holding in his breath, for he had sworn he would utter no more wishes, and take no more favours from the devil.

Плавание их протекало благополучно, только Кэаве все время приходилось быть начеку, чтобы чего-нибудь не пожелать, ибо он поклялся не принимать больше милостей от дьявола.

The time was up when they go back.

Домой они возвратились в срок.

The architect told them that the house was ready, and Keawe and Lopaka took a passage in the Hall, and went down Kona way to view the house, and see if all had been done fitly according to the thought that was in Keawe's mind.

Архитектор сообщил, что дом готов, и Кэаве с Лопакой сели на пароход "Ковчег" и поплыли вдоль берега Кона, чтобы поглядеть на дом -похож ли он на тот, какой являлся Кэаве в мечтах.

Now, the house stood on the mountain-side, visible to ships.

Дом стоял на высоком берегу и был хорошо виден проходящим судам.

Above, the forest ran up into the clouds of rain; below, the black

Вокруг леса вздымались ввысь к самым облакам; внизу потоки

lava fell in cliffs, where the kings of old lay buried.

черной лавы застыли в ущельях, где покоятся в пещерах останки древних царей.

A garden bloomed about that house with every hue of flowers; and there was an orchard of papaia on the one hand and an orchard of breadfruit on the other, and right in front, toward the sea, a ship's mast had been rigged up and bore a flag.

Вокруг дома был разбит цветник, пестревший всеми оттенками радуги, и насажены фруктовые деревья: по одну сторону дома - хлебные, по другую - папайя, а прямо перед домом со стороны моря была водружена корабельная мачта, и на верхушке ее вился флаг.

As for the house, it was three storeys high, with great chambers and broad balconies on each.

Дом был трехэтажный, с просторными покоями и широкими балконами на каждом этаже.

The windows were of glass, so excellent that it was as clear as water and as bright as day.

Стекла в окнах были прозрачные, как вода, и светлые, как белый день.

All manner of furniture adorned the chambers.

В покоях стояла красивая мебель.

Pictures hung upon the wall in golden frames: pictures of ships, and men fighting, and of the most beautiful women, and of singular places; nowhere in the world are there pictures of so bright a colour as those Keawe found hanging in his house.

На стенах висели картины в золоченых рамах, с изображением кораблей, и сражений, и разных диковинных уголков земли, или портреты самых прекрасных, какие только есть на свете, женщин, и во всем мире не сыскалось бы картин, писанных такими яркими красками, как те, что висели на стенах нового дома Кэаве.

As for the knick-knacks, they were extraordinary fine; chiming clocks and musical boxes, little men with nodding heads, books filled with pictures, weapons of price from all quarters of the world, and the most elegant puzzles to entertain the leisure of a solitary man.

А уж бессчетные безделушки были и подавно неслыханно хороши: часы с мелодичным боем, и музыкальные шкатулки, и крошечные фигурки людей с качающимися головами, и изящные замысловатые головоломки для заполнения досуга одинокого человека.

And as no one would care to live in such chambers, only to walk through and view them, the

А так как кому захочется жить в столь пышных хоромах - разве что пройтись по ним и поглазеть

balconies were made so broad thatна все, - дом был опоясан
a whole town might have livedширокими-преширокими
upon them in delight; and Keaweбалконами, на которых могло бы
knew not which to prefer, whetherудобно разместиться население
the back porch, where you got theцелого города, и Кэаве не знал,
land breeze, and looked upon theчто же ему предпочесть: то ли
orchards and the flowers, or thezаднюю террасу дома, где
front balcony, where you couldоткрывался вид на фруктовые
drink the wind of the sea, and lookдеревья и цветники и легкий
down the steep wall of theветерок веял с гор, или балкон,
mountain and see the Hall goingукрашавший фасад дома, где
by once a week or so betweenможно было вдыхать свежий
Kookena and the hills of Pele, orморской ветер и глядеть вниз с
the schooners plying up the coastоткоса на то, как "Ковчег",
for wood and ava and bananas. примерно раз в неделю, держит
путь из Хоокены к холмам Пеле
или шхуны с грузом леса, айвы и
бананов бороздят прибрежные
воды.

When they had viewed all, KeaweОсмотрев все, Кэаве и Лопака
and Lopaka sat on the porch. уселись на задней террасе.

"Well," asked Lopaka, "is it all as- Ну что? - спросил Лопака. - Так
you designed?" тебе это представлялось?

"Words cannot utter it," said- У меня нет слов, - сказал Кэаве.
Keawe.

"It is better than I dreamed, and I- Это даже лучше, чем мои
am sick with satisfaction." мечты, и я так доволен, что
голова идет кругом.

"There is but one thing to- Одно меня смущает, - сказал
consider," said Lopaka; "all thisЛопака. - Все это могло ведь
may be quite natural, and theполучиться и само собой, и,
bottle imp have nothing whateverможет, черт в бутылке тут вовсе
to say to it. ни при чем.

If I were to buy the bottle, and gotЕсли я куплю бутылку, а потом
no schooner after all, I should haveокажется, что никакой шхуны
put my hand in the fire formне получить, значит, я сунул
nothing. голову в пекло совсем зазря.

I gave you my word, I know; butЯ дал тебе слово, это верно, но,
yet I think you would not grudgeпо-моему, ты должен не
me one more proof." поскупиться и сделать для меня
еще одну пробу.

"I have sworn I would take no- Но я же поклялся не принимать
more favours," said Keawe. больше никаких даров от
бутылки.

"I have gone already deep enough." И так уж я увяз по горло.

"This is no favour I am thinking of," replied Lopaka. - Да я не о дарах вовсе думаю, - отвечал Лопака.

"It is only to see the imp himself. - Мне бы только поглядеть на черта.

There is nothing to be gained by that, and so nothing to be ashamed of; and yet, if I once saw him, I should be sure of the whole matter. От этого же тебе никакого проку, значит, и совеститься тут нечего. Просто, если я хоть разочек на него гляну, у меня больше будет веры в это дело.

So indulge me so far, and let me see the imp; and, after that, here is the money in my hand, and I will buy it." Так что уж будь другом, дай поглядеть на черта. А тогда я тут же куплю у тебя бутылку - видишь, деньги у меня наготове.

"There is only one thing I am afraid of," said Keawe. - Я только вот чего боюсь, - сказал Кэаве.

"The imp may be very ugly to view; and if you once set eyes upon him you might be very undesirous of the bottle." Черт, может, очень уж страшный с виду, и ты как разок на него поглядишь, так и раздумаешь покупать бутылку.

"I am a man of my word," said Lopaka. - Мое слово крепко, - молвил Лопака.

"And here is the money betwixt us." - Гляди, я уже и деньги приготовил.

"Very well," replied Keawe. - Ну, идет, - сказал Кэаве.

"I have a curiosity myself. - Мне и самому любопытно поглядеть.

So come, let us have one look at you, Mr. Imp." Ладно, позвольте нам взглянуть на вас разок, господин черт!

Now as soon as that was said, the imp looked out of the bottle, and in again, swift as a lizard; and there sat Keawe and Lopaka turned to stone. И только он это сказал, как черт выглянул из бутылки и проворно, что твоя ящерица, скользнул в нее обратно. А Кэаве и Лопака так и окаменели.

The night had quite come, before either found a thought to say or voice to say it with; and then Lopaka pushed the money over and took the bottle. Уже спустилась ночь, а они все никак не могли опомниться и обрести дар речи. Но вот наконец Лопака пододвинул к приятелю деньги и взял бутылку.

"I am a man of my word," said he, "and had need to be so, or I would not touch this bottle with my foot. - Я человек честный, - промолвил он, - и должен свое слово держать, а не то я бы и мизинцем ноги не притронулся к этой бутылке.

Well, I shall get my schooner and a dollar or two for my pocket; and then I will be rid of this devil as fast as I can.

Ну, да ладно, пусть только у меня будет шхуна да несколько монет в кармане, и я тут же отделаюсь от этой чертовщины.

For to tell you the plain truth, the look of him has cast me down."

Потому как, правду сказать, очень уж тошно мне стало, когда я его увидел.

"Lopaka," said Keawe, "do not you think any worse of me than you can help ; I know it is night, and the roads had, and the pass by the tombs an ill place to go by so late, but I declare since I have seen that little face, I cannot eat or sleep or pray till it is gone from me.

- Лопака, - сказал Кэаве, - если можешь, не думай обо мне слишком худо. Я знаю, что сейчас ночь, и дорога сюда плохая, и в такой поздний час негоже ехать мимо гробниц, но, ей-же-ей, после того как я увидел его мерзкую рожицу, я уже не могу ни есть, ни спать, ни молиться богу, пока эта бутылка здесь.

I will give you a lantern, and a basket to put the bottle in, and any picture or fine thing in all my house that takes your fancy;--and be gone at once, and go sleep at Hookena with Nahinu."

Я дам тебе фонарь, и корзину, чтобы спрятать в нее бутылку, и любую картину, и любую самую красивую вещь, какая приглянется тебе в моем доме, но только уезжай поскорей и переночуй в Хоокене у Нахину.

"Keawe," said Lopaka, "many a man would take this ill; above all, when I am doing you a turn so friendly, as to keep my word and buy the bottle; and for that matter, the night and the dark, and the way by the tombs, must be all tenfold more dangerous to a man with such a sin upon his conscience, and such a bottle under his arm.

- Кэаве, - сказал Лопака, - любой на моем месте крепко бы на тебя обиделся. Я-то ведь поступил с тобой, как верный друг, - сдержал слово и купил бутылку. А тут еще и ночь уже и темень, а дорога мимо гробниц в сто раз страшнее для человека с таким грехом на совести и с такой бутылкой под мышкой.

But for my part, I am so extremely terrified myself, I have not the heart to blame you.

Но только меня самого жуть какой страх разбирает, и я не могу тебя винить.

Here I go then; and I pray God you may be happy in your house, and I fortunate with my schooner, and both get to heaven in the end in spite of the devil and his bottle."

Так что ухожу я и молю господа, чтобы ты был счастлив в своем доме, а мне была удача с моей шхуной и чтобы оба мы, окончив наши дни, попали в рай всем

чертям и бутылкам вопреки.

So Lopaka went down the mountain; and Keawe stood in his front balcony, and listened to the clink of the horse's shoes, and watched the lantern go shining down the path, and along the cliff of caves where the old dead are buried; and all the time he trembled and clasped his hands, and prayed for his friend, and gave glory to God that he himself had escaped out of that trouble.

И, сказав так, Лопака поскакал под гору, а Кэаве стоял у себя на балконе, и прислушивался к цокоту подков, и смотрел, как мелькает огонек фонаря на дороге под скалой, где покоится прах древних царей. И, стоя так, он дрожал как лист и, сложив ладони, возносил хвалу господу за свое избавление от такой страшной напасти.

But the next day came very brightly, and that new house of his was so delightful to behold that he forgot his terrors.

Но занялся день, солнечный и яркий, и Кэаве, восторгаясь новым домом, позабыл про свои страхи.

One day followed another, and Keawe dwelt there in perpetual joy.

Шли дни за днями, и Кэаве жил в новом доме и не уставал радоваться.

He had his place on the back porch; it was there he ate and lived, and read the stories in the Honolulu newspapers; but when anyone came by they would go in and view the chambers and the pictures.

Задняя терраса дома стала его излюбленным местечком; здесь он ел, и пил, и проводил все свое время: читал гонолулские газеты и узнавал из них о разных событиях, а когда кто-нибудь наведывался к нему, он водил гостей по всем покоям и показывал им картины.

And the fame of the house went far and wide; it was called Ka-Hale Nui--the Great House--in all Kona; and sometimes the Bright House, for Keawe kept a Chinaman, who was all day dusting and furbishing; and the glass and the gilt, and the fine stuffs, and the pictures, shown as bright as the morning.

И молва о его доме распространилась далеко, и все жители острова Кона стали называть его дом Ка-Хале-Нуи, что значит "Знаменитый Дом", а иной раз называли еще "Сияющий Дом", ибо Кэаве держал слугу-китайца, который день-деньской вытирал в доме пыль и наводил на все глянец, и красивые безделушки, и картины, и стекла в окнах, и позолота - все сияло ярко, как утренние лучи.

As for Keawe himself, he could not

И сам Кэаве, расхаживая по

walk in the chambers without singing, his heart was so enlarged; and when ships sailed by upon the sea, he would fly his colours on the mast.

своим покоям, не мог удержаться, чтобы не петь, так было переполнено радостью его сердце, а когда мимо его дома проплывали суда, он поднимал флаг на своей мачте.

So time went by, until one day Keawe went upon a visit as far as Kailua to certain of his friends.

Так проходило время, и вот однажды Кэаве отправился не далеко, не близко, а в Каилуа проведать кое-кого из своих друзей.

There he was well feasted; and left as soon as he could the next morning, and rode hard, for he was impatient to behold his beautiful house; and, besides, the night then coming on was the night in which the dead of old days go abroad in the sides of Kona; and having already meddled with the devil, he was the more chary of meeting with the dead.

Там его знатно потчевали, но наутро он как встал, тотчас пустился в обратный путь и скакал во весь опор, - так не терпелось ему снова увидеть свой прекрасный дом. А было это к тому же в канун той ночи, когда, по древнему преданию, души предков встают из могил и бродят по берегам Коны, и Кэаве, однажды спутавшись с чертом, вовсе не хотел попасть теперь в компанию мертвецов.

A little beyond Honaunau, looking far ahead, he was aware of a woman bathing in the edge of the sea; and she seemed a well grown girl, but he thought no more of it.

Вот скачет он, уже оставил позади Хонауану и вдруг видит: далеко впереди в море, у самого берега, купается какая-то женщина. Показалось ему, что это молодая, но уже вполне созревшая девушка, но больше он не держал ее в мыслях.

Then he saw her white shift flutter as she put it on, and then her red holoku; and by the time he came abreast of her she was done with her toilet, and had come up from the sea, and stood by the track-side in her red holoku, and she was all freshened with the bath, and her eyes shone and were kind.

Скачет дальше, а в воздухе мелькнула белая рубашка, затем красная юбка-холоку: это девушка одевалась, выйдя из воды. Когда же он поравнялся с ней, она уже закончила туалет и стояла в своей красной юбке у самой дороги, освеженная купанием, и глаза ее лучились, и была в них доброта.

Now Keawe no sooner beheld her than he drew rein.

И тут Кэаве, как только взглянул на девушку, сразу натянул

поводья.

"I thought I knew everyone in this country," said he.
- Думал я, что всех знаю в этих краях, - сказал Кэаве.

"How comes it that I do not know you?"
- Почему же я не знаю тебя, как это так?

"I am Kokua, daughter of Kiano," said the girl, "and I have just returned from Oahu. Who are you?"
- Я Кокуа, дочь Киано, - отвечала девушка, - и только что возвратилась домой из Оаху. А кто ты?

"I will tell you who I am in a little," said Keawe, dismounting from his horse, "but not now. For I have a thought in my mind, and if you knew who I was, you might have heard of me, and would not give me a true answer.
- Я скажу тебе, кто я, - сказал Кэаве, соскочив с седла, - но не сейчас, а немного позже. Потому что мне запала на сердце одна мысль, но я боюсь, что ты не дашь мне правдивого ответа, если я скажу тебе, кто я: ведь ты, может статься, уже слышала обо мне.

But tell me, first of all, one thing: Are you married?"
Но перво-наперво скажи-ка вот что: ты не замужем?

At this Kokua laughed out aloud.
Услыхав это, Кокуа громко рассмеялась.

"It is you who ask questions," said she.
- Все-то ты хочешь знать, - сказала она.

"Are you married yourself?"
- А сам ты не женат?

"Indeed, Kokua, I am not," repled Keawe, "and never thought to be until this hour.
- Нет, Кокуа, я не женат, - отвечал Кзаве, - и, признаться, до этой минуты никогда и не помышлял о женитьбе.

But here is the plain truth. I have met you here at the roadside, and I saw your eyes, which are like the stars, and my heart went to you as swift as a bird.
Но скажу тебе истинную правду: я увидел тебя здесь, у дороги, увидел твои глаза, подобные звездам, и сердце мое рванулось к тебе, как птица из клетки.

And so now, if you want none of me, say so, and I will go on to my own place; but if you think me no worse than any other young man, say so, too, and I will turn aside to your father's for the night, and tomorrow I will talk with the good man."
А теперь, если я не хорош для тебя, скажи мне это прямо, и я поеду дальше своим путем; но если я, на твой взгляд, не хуже других молодых мужчин, дай мне услышать это, и я сверну со своего пути и заночую у твоего отца, а наутро поведу о тебе речь с этим добрым человеком.

Kokua said never a word, but she
Ничего не ответила ему на это

looked at the sea and laughed.

Кокуа, только рассмеялась, глядя на море вдаль.

"Kokua," said Keawe, "if you say nothing, I will take that for the good answer; so let us be stepping to your father's door."

- Кокуа, - молвил Кэаве, - твое молчание я понимаю как согласие. Так отправимся же вместе в дом твоего отца.

She went on ahead of him, still without speech; only sometimes she glanced back and glanced away again, and she kept the string of her hat in her mouth.

И она, все так же молча, пошла вперед: раза два она обернулась, кинула на него быстрый взгляд и отворотилась снова, держа тесемки своей шляпы в зубах.

Now, when they had come to the door, Kiano came out on his verandah, and cried out and welcomed Keawe by name.

Но вот, когда подошли они к дому, Киано вышел на веранду и громко приветствовал Кэаве, назвав его по имени.

At that the girl looked over, for the fame of the great house had come to her ears; and, to be sure, it was a great temptation.

И тогда девушка взглянула на Кэаве, широко раскрыв глаза, ибо молва о его прекрасном доме достигла и ее слуха, и как же тут не поглядеть.

All that evening they were very merry together; and the girl was as bold as brass under the eyes of her parents, and made a mock of Keawe, for she had a quick wit.

Весь вечер провели они вместе и очень веселились, и у девушки в присутствии родителей развязался язык, и она подшучивала над Кэаве, ибо у нее был сметливый и острый ум.

The next day he had a word with Kiano, and found the girl alone.

А на следующий день Кэаве переговорил с Киано, а потом разыскал девушку и нашел ее одну.

"Kokua," said he, "you made a mock of me all the evening; and it is still time to bid me go.

- Кокуа, - сказал он, - ты насмехалась надо мной вчера весь вечер, и тебе еще не поздно сказать мне: оставь меня и уезжай.

I would not tell you who I was, because I have so fine a house, and I feared you would think too much of that house and too little of the man that loves you.

Я не хотел говорить тебе, кто я, потому что у меня такой красивый дом, и я боялся, что этот дом будет слишком сильно занимать твои мысли, а человек, который тебя любит, - слишком мало.

Now you know all, and if you wish to have seen the last of me, say so

Теперь тебе все известно, и если ты хочешь прогнать меня с глаз

at once."

долой, скажи сразу.

"No," said Kokua; but this time she did not laugh, nor did Keawe ask for more.

- Нет, - сказала Кокуа. И на этот раз она уже не смеялась, а Кэаве ни о чем больше не спрашивал.

This was the wooing of Keawe; things had gone quickly; but so an arrow goes, and the ball of a rifle swifter still, and yet both may strike the target.

Так посватался Кэаве к Кокуа. Все произошло очень быстро, но ведь и стрела летит быстро, а пуля из ружья - и того быстрее, однако и та и другая могут попасть в цель.

Things had gone fast, but they had gone far also, and the thought of Keawe rang in the maiden's head; she heard his voice in the breach of the surf upon the lava, and for this young man that she had seen but twice she would have left father and mother and her native islands.

Да, все свершилось быстро, и вместе с тем свершилось очень многое: мысль о Кэаве теперь пела у девушки в душе; его голос слышался ей в шуме прибоя, ради этого человека, которого она видела всего два раза в жизни, Кокуа уже готова была оставить и отца, и мать, и родные края.

As for Keawe himself, his horse flew up the path of the mountain under the cliff of tombs, and the sound of the hoofs, and the sound of Keawe singing to himself for pleasure echoed in the caverns of the dead.

А Кэаве? Кэаве гнал коня по горной тропе мимо древних гробниц, и звуки его ликующей песни эхом отдавались в пещерах мертвецов.

He came to the Bright House, and still he was singing.

И, прискакав обратно в свой "Сияющий Дом", он все еще продолжал петь.

He sat and ate in the broad balcony, and the Chinaman wondered at his master, to hear how he sang between the mouthfuls.

Он сидел и ужинал на просторном балконе, а китаец-слуга дивился на своего господина, который распевал между глотками пищи.

The sun went down into the sea, and the night came; and Keawe walked the balconies by lamplight, high on the mountains, and the voice of his singing startled men on ships.

Солнце погрузилось в море, и настала ночь, а Кэаве все разгуливал при свете фонарей по балконам своего дома на высоком берегу, и звук его песен тревожил моряков на проплывавших мимо судах.

"Here am I now upon my high

Я поднялся высоко-высоко, -

place," he said to himself. говорил себе Кэаве.
"Life may be no better; this is the- Жизнь не может стать
mountain top; and all shelves прекрасней; я стою на вершине
about me towards the worse. горы; отсюда нет пути наверх -
только вниз.
For the first time I will light up the Сегодня я впервые велю осветить
chambers, and bathe in my fine все комнаты, и искупаюсь в
bath with the hot water and the моем красивом бассейне с
cold, and sleep alone in the bed of горячей и холодной водой, и
my bridal chamber." один возлягу на брачное ложе в
своей спальне".
So the Chinaman had word, and he И он поднял ото сна своего
must rise from sleep and light the слугу-китайца и отдал ему
furnaces; and as he wrought приказ растопить печи, и слуга,
below, beside the boilers, he heard трудясь внизу возле топок,
his master singing and rejoicing слышал, как его хозяин весело
above him in the lighted chambers. распевает наверху в своих
освещенных покоях.
When the water began to be hot А когда вода нагрелась, слуга
the Chinaman cried to his master; позвал хозяина, и Кэаве пошел
and Keawe went into the купаться, и китаец-слуга
bathroom; and the Chinaman слышал, как он пел, напуская
heard him sing as he filled the воду в мраморный бассейн, и
marble basin; and heard him sing, как песня внезапно оборвалась.
and the signing broken, as he
undressed; until of a sudden, the
song ceased.
The Chinaman listened, and Китаец-слуга все прислушивался
listened; he called up the house to и прислушивался, а потом
Keawe to ask if all were well, and окликнул снизу хозяина и
Keawe answered him спросил, все ли у него в порядке,
и Кэаве ответил "да" и велел ему
ложиться спать.
"Yes," and bad him go to bed; but Но больше не звучало пение в
there was no more singing in the "Сияющем Доме", и всю ночь до
Bright House; and all night long, зари китаец-слуга слышал, как
the Chinaman heard his master's его хозяин расхаживает без сна
feet go round and round the по балконам.
balconies without repose.
Now the truth of it was this: as А теперь послушайте, что
Keawe undressed for his bath, he произошло: когда Кэаве скинул
spied upon his flesh a patch like a одежды, чтобы искупаться, он
patch of lichen on a rock, and it заметил, что у него на теле,
was then that he stopped singing. подобно лишайнику на скале,

появилось пятно, и тогда он перестал петь.

For he knew the likeness of that patch, and knew that he was fallen in the Chinese Evil. [footnote: Leprosy.] Now, it is a sad thing for any man to fall into this sickness.

Ибо он знал, что означает это похожее на лишайник пятно; он понял, что пал жертвой "Китайской напасти", или, проще говоря, проказы. Что говорить, такой недуг - большое несчастье для каждого.

And it would be a sad thing for anyone to leave a house so beautiful and so commodious, and depart from all his friends to the north coast of Molokai between the mighty cliff and the sea-breakers.

Г орька судьба того, кто должен покинуть красивый, удобный дом, покинуть всех своих друзей и переселиться на северный берег острова Молокаи, где о неприступные утесы, грохоча, разбивается прибой.

But what was that the case of the man Keawe, he who had met his love but yesterday, and won her but that morning, and now saw all his hopes break, in a moment, like a piece of glass?

Но что же сказать про этого несчастного, про Кэаве, который только накануне повстречал свою суженую, только сегодня утром завоевал ее ответную любовь, а теперь видел, как все его надежды разлетаются вдребезги, словно кусок стекла!

Awhile he sat upon the edge of the bath; then sprang, with a cry and ran outside; and to and fro, to and fro, along the balcony, like one despairing.

Долго сидел он на краю бассейна, а потом горестно вскрикнул, вскочил и выбежал вон; и долго еще метался туда и сюда, туда и сюда по балкону в великом отчаянии.

"Very willingly could I leave Hawaii, the home of my fathers," Keawe was thinking.

"Не сетуя на судьбу, покинул бы я Гавайи -родину моих предков, - думал Кэаве.

"Very lightly could I leave my house, the high-placed, the many-windowed, here upon the mountains.

- Не ропща, покорился бы я своей участи и оставил бы мой дом, этот прекрасный, многооконный дом на высоком берегу.

Very bravely could I go to Molokai, to Kalaupapa by the cliffs, to live with the smitten and to sleep there, far from my fathers.

Не пал бы я духом, отправляясь на Молокаи, в эту Калаупапу, затерянную между утесов и скал, чтобы влачить свои дни и ночи среди пораженных страшным недугом и там, вдали от земли

отцов, уснуть вечным сном.

But what wrong have I done, what sin lies upon my soul, that I should have encountered Kokua coming cool from the sea-water in the evening?

Но за какие злые дела, за какие грехи должен был я вчера вечером встретить Кокуа, выходящую из моря, освеженную купанием?

Kokua, the soul ensnarer!

Кокуа, похитительница души моей!

Kokua, the light of my life!

Кокуа, свет моих глаз!

Her may I never wed, her may I look upon no longer, her may I more handle with my living hand; and it is for this, it is for you, Kokua! that I pour my lamentations!"

Никогда не увидеть мне теперь тебя, никогда не назвать своей, никогда не ласкать влюбленной Орукой, и только об этом, только о тебе, о Кокуа, скорблю я безутешно!"

Now you are to observe what sort of a man Keawe was, for he might have dwelt there in the Bright House for years, and no one been the wiser of his sickness; but he reckoned nothing of that, if he must lose Kokua.

Вы понимаете теперь, что за человек был этот Кэаве? Ведь он мог бы жить в своем "Сияющем Доме" еще годы и годы, и никто не подозревал о его недуге; но на что ему это, если он должен лишиться Кокуа.

And again, he might have wed Kokua even as he was; and many would have done, because they have the souls of pigs; but Keawe loved the maid manfully, and he would do her no hurt and bring her in no danger.

А ведь он мог бы и Кокуа взять в жены, скрыв свою болезнь, и многие поступили бы именно так, ибо у них души свиней; но Кэаве любил девушку беззаветно, как подобает мужчине, и не мог подвергнуть ее опасности и причинить ей зло.

A little beyond the midst of the night, there came in his mind the recollection of that bottle.

Уже перевалило за полночь, и вдруг Кэаве вспомнил про бутылку.

He went round to the back porch, and called to memory the day when the devil had looked forth; and at the thought ice ran in his veins.

Тогда он прошел на заднюю террасу дома и вызвал в памяти тот день, когда на его зов черт выглянул из бутылки. И при этом воспоминании ледяной холод пробежал у Кэаве по жилам.

"A dreadful thing is the bottle,"" thought Keawe, "and dreadful is the imp, and it is a dreadful thing

"Страшная вещь - эта бутылка, - думал Кэаве, - и страшен черт, и страшно вечно гореть в адском

to risk the flames of hell.
пламени.

But what other hope have I to cure the sickness or to wed Kokua?
Но как иначе могу я излечиться от своего недуга и взять в жены Кокуа?

What!" he thought, "would I beard the devil once, only to get me a house, and not face him again to win Kokua?"
Что ж, - думал он, - ради этого адома я не побоялся связаться с дьяволом, так неужто у меня не хватит духа снова прибегнуть теперь к его помощи, чтобы получить Кокуа?" И тут он вспомнил, что на следующий день

Thereupon he called to mind it was the next day the Hall went by on her return to Honolulu.
"Ковчег" как раз будет упроплывать мимо обратным рейсом в Гонолулу.

"There must I go first," he thought, "and see Lopaka.
"Вот куда должен я немедля отправиться, -подумал Кэаве, - и повидать Лопаку.

For the best hope that I have now is to find that same bottle I was so please to be rid of."
Ведь вся моя надежда теперь - разыскать эту бутылку, от которой я так был рад избавиться когда-то".

Never a wink could he sleep; the food stuck in his throat; but he sent a letter to Kiano, and about the time when the steamer would be coming, rode down beside the cliff of the tombs.
Ни на миг не сомкнул Кэаве глаз в эту ночь, и наутро кусок не шел ему в горло; он тут же написал письмо Киано и к прибытию парохода спустился верхом по тропинке, огибавшей скалу, где покоился прах предков.

It rained; his horse went heavily; he looked up at the black mouths of the caves, and he envied the dead that slept there and were done with trouble; and called to mind how he had galloped by the day before, and was astonished.
Лил дождь, конь шел шагом, а Кэаве смотрел на черные пасти пещер и завидовал мертвецам, которые спали там, не ведая ни тревог, ни печали, и вспоминал, как всего день назад весело гнал он тут коня, и трудно ему было в это поверить.

So he came down to Hookena, and there was all the country gathered for the steamer as usual.
Так добрался он до Хоокены, а там уже, как повелось, отовсюду собрался народ в ожидании парохода.

In the shed before the store they sat and jested and passed the news;
Все расположились под навесом перед лавкой, перебрасывались

but there was no matter of speech in Keawe's bosom, and he sat in their midst and looked without on the rain falling on the houses, and the surf beating among the rocks, and the sighs arose in his throat.

шуточками, обменивались новостями, но Кэаве, с его тяжким грузом на сердце, было не до болтовни, и он, сидя вместе со всеми, смотрел на дождь, поливавший крыши, и на прибой, бурливший между скал, и тяжелые вздохи вздымали его грудь.

"Keawe of the Bright House is out of spirits," said one to another.

- Кэаве из "Сияющего Дома" сегодня не в духе, - переговаривались люди между собой.

Indeed, and so he was, and little wonder.

И они были правы, да и как могло быть иначе?

Then the Hall came, and the whaleboat carried him on board.

А затем пришел пароход, и лодка доставила Кэаве на борт.

The after-part of the ship was full of Haoles [footnote: Whites] who had been to visit the volcano, as their custom is; and the midst was crowded with Kanakas, and the forepart with wild bulls from Hilo and horses from Kau; but Keawe sat apart from all in his sorrow, and watched for the house of Kiano.

На корме было полно хаоле - белых, приехавших по своему обычаю поглядеть на вулкан; вся середина парохода была заполнена канаками, а нос загружен дикими быками из Хило и лошадьми из Каю. Но Кэаве, убитый горем, сидел в стороне от всех и ждал, когда на берегу появится дом Киано.

There is sat, low upon the shore in the black rocks and shaded by the cocoa palms, and there by the door was a red holoku, no greater than a fly, and going to and fro with a fly's busyness.

Там, у самого моря, среди черных скал, стоял он под сенью кокосовых пальм, а перед дверью его красная юбка, величиной с бабочку и, как бабочка, хлопотливая, порхала туда и сюда, туда и сюда.

"Ah, queen of my heart," he cried, "I'll venture my dear soul to win you!"

- О властительница сердца моего! - вскричал Кэаве. - Я сгублю свою бессмертную душу, чтобы обрести тебя!

Soon after, darkness fell, and the cabins were lit up, and the Haoles sat and played at the cards and drank whisky as their custom is; but Keawe walked the deck all night; and all the next day, as they

Вскоре стемнело, в каютах зажглись огни, и хаоле по своему обычаю уселись играть в карты и пить виски, но Кэаве всю ночь шагал по палубе и весь следующий день, пока пароход

steamed under the lee of Maui or of Molokai, he was still pacing to and from like a wild animal in a menagerie.

Towards evening they passed Diamond Head, and came to the pier of Honolulu.

Keawe stepped out among the crowd and began to ask for Lopaka.

It seemed he had become the owner of a schooner--none better in the islands--and was gone upon an adventure as far as Pola- Pola or Kahiki; so there was no help to be looked for from Lopaka.

Keawe called to mind a friend of his, a lawyer in the town (I must not tell his name), and inquired of him.

They said he was grown suddenly rich, and had a fine new house upon Waikiki shore; and this put a thought in Keawe's head, and he called a hack and drove to the lawyer's house.

The house was all brand new, and the trees in the garden no greater than walking-sticks, and the lawyer, when he came, had the air of a man well pleased.

"What can I do to serve you?" said the lawyer.

"You are a friend of Lopaka's," replied Keawe, "and Lopaka purchased from me a certain piece of goods that I thought you might enable me to trace."

The lawyer's face became very

погибал Мауи и Молокаи, он все так же метался по палубе из конца в конец, словно дикий зверь в клетке.

Под вечер они миновали Алмазный Мыс и причалили в гавани Гонолулу.

Кэаве вместе с толпой пассажиров сошел на берег и сразу же принялся разыскивать Лопаку.

Но Лопака, как выяснилось, приобрел шхуну -такую, что краше не сыщется на островах, - и пустился куда-то в дальнее плавание - не то в Пола-Пола, не то в Кахики - словом, ищи ветра в поле!

Но тут Кэаве вспомнил про одного приятеля Лопаки - стряпчего, проживавшего в этом городе (я не стану называть его имени), и осведомился о нем.

Ему сказали, что стряпчий этот внезапно очень разбогател и купил себе красивый новый дом на берегу Вайкики. Это сообщение заставило Кэаве призадуматься; он кликнул извозчика и поехал к дому стряпчего.

Дом был новехонький, и деревья в саду еще крохотные, не толще тросточек, и у стряпчего, когда Кэаве пришел к нему, был очень довольный вид.

- Чем могу быть полезен? - спросил Кэаве стряпчий.

- Вы друг Лопаки, - отвечал Кэаве, - а Лопака купил у меня одну вещицу, так сдается мне, что вы могли бы мне помочь напасть на ее след.

Лицо стряпчего омрачилось.

dark.

"I do not profess to misunderstand you, Mr. Keawe," said he, "though this is an ugly business to be stirring in.

- Не стану притворяться, будто я не понял вас, мистер Кэаве, - сказал он, - хотя дело это темное и неблаговидное.

You maybe sure I know nothing, but yet I have a guess, and if you would apply in a certain quarter I think you might have news."

Но, поверьте, я ничего не знаю наверняка, могу только догадываться кое о чем и думаю, что если вы поспрошаете кое-где, то, может быть, и узнаете кое-что.

And he named the name of a man, which, again, I had better not repeat.

И он назвал Кэаве имя одного человека, которое я опять же предпочитаю не предавать гласности.

So it was for days, and Keawe went from one to another, finding everywhere new clothes and carriages, and fine new houses and men everywhere in great contentment, although, to be sure, when he hinted at his business their faces would cloud over.

И так повторялось изо дня в день, и Кэаве ходил от одного человека к другому и всюду видел новые одежды, и новые экипажи, и новые красивые дома, и очень довольных людей; однако лица их тотчас становились темнее тучи, стоило Кэаве обмолвиться про дело, которое привело его к ним.

"No doubt I am upon the track," thought Keawe.

"Ясно как день - я напал на след, - думал Кэаве.

"These new clothes and carriages are all the gifts of the little imp, and these glad faces are the faces of men who have taken their profit and got rid of the accursed thing in safety.

- Все эти наряды и экипажи - дары Сатаны, а довольные лица этих людей говорят о том, что они, получив свое, благополучно отделались от проклятой бутылки.

When I see pale cheeks and hear sighing, I shall know that I am near the bottle."

Вот если я увижу бледные щеки и услышу тяжкий вздох, тогда только буду я знать, что приблизился к цели".

So it befell at last that he was recommended to a Haole in Beritania Street.

И случилось так, что Кэаве в конце концов направили к одному белому, проживавшему на Беритания-стрит.

When he came to the door, about the hour of the evening meal, there were the usual marks of the new

Кэаве пришел туда, когда наступил час вечерней трапезы, и, подойдя ближе, увидел, как

house, and the young garden, and the electric light shining in the windows; but when the owner came, a shock of hope and fear ran through Keawe; for here was a young man, white as a corpse, and black about the eyes, the hair shedding from his head, and such a look in his countenance as a man may have when he is waiting for the gallows.

"Here it is, to be sure," thought Keawe, and so with this man he no ways veiled his errand.

"I am come to buy the bottle," said he.

At the word, the young Haole of Beritania Street reeled against the wall.

"The bottle!" he gasped.

"To buy the bottle!"

Then he seemed to choke, and seizing Keawe by the arm carried him into a room and poured out wine in two glasses.

"Here is my respects," said Keawe, who had been much about with Haoles in his time.

"Yes," he added, "I am come to buy the bottle. What is the price by now?"

At that word the young man let his glass slip through his fingers, and looked upon Keawe like a ghost.

"The price," says he; "the price! you do not know the price?"

"It is for that I am asking you," returned Keawe.

"But why are you so much concerned? Is there anything wrong about the price?"

"It has dropped a great deal in

всегда, новый дом, и молодой сад, и сверкающие электрическими огнями окна, но, когда появился хозяин дома, надежда и страх сжали сердце Кэаве, ибо перед ним стоял юноша, бледный, как мертвец, с черными впадинами глаз и редеющими волосами, а выражение лица у него было, как у осужденного на казнь.

- Нет сомнений - бутылка здесь", - подумал Кэаве, и перед этим человеком он не стал скрывать цели своего посещения.

- Я пришел купить бутылку, - сказал он.

Услыхав эти слова, белый юноша с Беритания-стрит пошатнулся и прислонился к стене.

- Бутылку? - пролепетал он.

- Купить бутылку?!

- Тут у него сдавило горло, и, схватив Кэаве за руку, он потащил его в комнату, взял два стакана и наполнил их вином.

- Ваше здоровье! - сказал Кэаве, который в свое время немало якшался с белыми.

А затем добавил: - Да, я пришел купить бутылку. Какая ей цена теперь?

Тут юноша выронил стакан и уставился на Кэаве, как на привидение.

- Цена? - воскликнул он. - Цена? Вы что, не знаете ее цены?

- Значит, не знаю, раз спрашиваю, - возразил Кэаве.

- Но почему это вас так смутило? Разве что-нибудь неладно с ценой?

- Бутылка за это время сильно

value since your time, Mr. Keawe," said the young man, stammering.
упала в цене, мистер Кэаве, - запинаясь, проговорил молодой человек.

"Well, well, I shall have the less to pay for it," said Keawe.
- Ну что ж, значит, тем меньше придется платить,- сказал Кэаве.

"How much did it cost you?"
- Сколько вы за нее отдали?

The young man was as white as a sheet.
Молодой человек был бледен как полотно.

"Two cents," said he.
- Два цента, - промолвил он.

"What?" cried Keawe, "two cents?
- Что? - вскричал Кэаве. - Два цента?

Why, then, you can only sell it for one.
Постойте, так вы, значит, можете ее продать только за один цент?

And he who buys it--" The words died upon Keawe's tongue; he who bought it could never sell it again, the bottle and the bottle imp must abide with him until he died, and when he died must carry him to the red end of hell.
И тот, кто ее купит... - Слова замерли у Кэаве на языке. - Значит, тот, кто купит эту бутылку, уже никому не сможет ее продать! Черт и бутылка достанутся у него до самой его смерти, а когда он испустит дух, потащут его прямо в пекло!

The young man of Beritania Street fell upon his knees.
Тут белый юноша с Беритания-стрит упал перед Кэаве на колени.

"For God's sake buy it!" he cried.
- Богом вас заклинаю, купите ее! - взмолился он.

"You can have all my fortune in the bargain.
- В придачу к ней я отдам вам все, что имею.

I was mad when I bought it at that price.
Я был безумен, когда купил ее за эту цену.

I had embezzled money at my store; I was lost else; I must have gone to jail."
Я присвоил казенные деньги, и мне бы пропадать, не купи я эту бутылку, - меня бы посадили в тюрьму.

"Poor creature," said Keawe, "you would risk your soul upon so desperate an adventure, and to avoid the proper punishment of your own disgrace; and you think I could hesitate with love in front of me.
- Ах ты, бедняга! - сказал Кэаве. - Чтобы избежать законного наказания за свой бесчестный поступок, ты отважился на такое страшное дело и погубил свою душу! И ты думаешь, я стану колебаться, когда меня ждет любовь!

Give me the bottle, and the change which I make sure you have all
Давай сюда бутылку и сдачу - я знаю, ты держишь ее наготове.

ready.

Here is a five-cent piece."

Вот тебе монета в пять центов!

It was as Keawe supposed; the young man had the change ready in a drawer; the bottle changed hands, and Keawe's fingers were no sooner clasped upon the stalk than he had breathed his wish to be a clean man.

Кэаве оказался прав: в ящике стола у этого юноши уже была приготовлена сдача. Бутылка перешла из рук в руки, и лишь только пальцы Кэаве обхватили узкое горлышко, как он тут же шепотом поведал черту свое желание избавиться от страшного недуга.

And, sure enough, when he got home to his room and stripped himself before a glass, his flesh was whole like an infant's.

И что вы думаете: когда он вернулся к себе и обнажил свое тело перед зеркалом, кожа его снова была чистой и гладкой, как у младенца.

And here was the strange thing: he had no sooner seen this miracle, than his mind was changed within him, and he cared naught for the Chinese Evil, and little enough for Kokua; and had but the one thought, that here he was bound to the bottle imp for time and for eternity, and had no better hope but to be a cinder for ever in the flames of hell.

Но странная вещь: едва свершилось это чудо, как все изменилось в душе Кэаве - ему уже было наплевать на проказу, и он почти совсем не вспоминал о Кокуа, одна-единственная мысль не давала ему теперь покоя - мысль о том, что отныне он связан с дьяволом и бутылкой до конца дней своих и ничто уже не спасет его от вечного пламени и раскаленных углей преисподней.

Away ahead of him he saw them blaze with his mind's eye, and his soul shrank, and darkness fell upon the light.

Адский огонь пылал перед его мысленным взором, и душа его омертвела, и мрак затмил для него весь белый свет.

When Keawe came to himself a little, he was aware it was the night when the band played at the hotel.

Когда Кэаве понемногу пришел в себя, была уже ночь, и в гостинице играл оркестр.

Thither he went, because he feared to be alone; and there, among happy faces, walked to and fro, and heard the tunes go up and down, and saw Berger beat the measure, and all the while he heard the flames crackle, and saw

На звуки этой музыки он и пошел, потому что боялся оставаться один, и там, среди счастливых лиц, бродил, ненеприкаянный, и слушал, как музыка то разрастается, то замирает, и смотрел, как

the red fire burning in the bottomless pit.

дирижер отбивает такт своей палочкой, и все время слышал треск адского пламени, и видел огненные языки, вырывающиеся из черных глубин преисподней.

Of a sudden the band played Kiki-ao-au-ao; that was a song that he had sung with Kokua, and at the strain courage returned to him.

Вдруг оркестр заиграл "Хи-ки-ао-ао". Эту песенку Кэаве певал не раз вместе с Кокуа, и при звуках ее мелодии мужество возвратилось к нему.

"It is done now," he thought, "and once more let me take the good along with the evil."

"Сделанного не воротишь, - подумал Кэаве, - и если уж я пошел на такое, так пусть хоть не зря".

So it befell that he returned to Hawaii by the first steamer, and as soon as it could be managed he was wedded to Kokua, and carried her up the mountain side to the Bright House.

И тогда он с первым пароходом вернулся на Гавайи и тут же без промедления сыграл свадьбу с Кокуа и привез ее в свой "Сияющий Дом" на вершине горы.

Now it was so with these two, that when they ere together, Keawe's heart was stilled; but so soon has he was alone he fell into a brooding horror, and heard the flames crackle, and saw the red fire burn in the bottomless pit.

И вот стали Кэаве и Кокуа жить вдвоем, и когда они бывали вместе, тоска в сердце Кэаве утихала, но стоило ему остаться одному, и страшные мысли начинали его терзать, и он слышал, как гудит адское пламя, и видел огненные языки, вырывающиеся из преисподней.

The girl, indeed, had come to him wholly; her heart leapt in her side at sight of him, her hand clung to his; and she was so fashioned from the hair upon her head to the nails upon her toes that none could see her without joy.

А девушка прилепилась к Кэаве всем сердцем; душа ее пела при виде его, и рука ее льнула к его руке, и была Кокуа так прекрасна от головы до пят, что никто, глядя на нее, не мог сдержать радостной улыбки.

She was pleasant in her nature.

У нее был кроткий, приятный нрав.

She had the good word always.

Для каждого находилось доброе слово.

Full of song she was, and went to and fro in the Bright House, the brightest thing in its three storeys, carolling like the birds.

Она знала много песенок и распевала, словно птичка, порхая по всем трем этажам "Сияющего Дома" и сияя сама

ярче всего, что было в нем.

And Keawe beheld and heard her with delight, and then must shrink upon one side, and weep and groan to think upon the price that he had paid for her; and then must dry his eyes, and wash his face, and go and sit with her on the broad balconies joining in her songs, and, with a sick spirit, answering her smiles.

И Кэаве смотрел на нее и слушал ее с восхищением, а потом, уединившись где-нибудь в углу, вспоминал, какой ценой ему досталась она ему, и стонал, и плакал. И снова, осушив глаза и ополоснув лицо, шел к ней, и садился возле нее на просторном балконе, и сливал свой голос с ее голосом в песне, и улыбкой отвечал на ее улыбку, хотя душу его снедала тоска.

There came a day when her feet began to be heavy and her songs more rare; and now it was not Keawe only that would weep apart, but each would sunder from the other and sit in opposite balconies with the whole width of the Bright House betwixt.

Но мало-помалу наступили дни, когда Кокуа уже не порхала, как прежде, по дому, и песни ее звучали реже, и теперь не только Кэаве плакал украдкой где-нибудь в углу, но и оба они стали сторониться друг друга и сидели на разных балконах, разъединенные всей громадой "Сияющего Дома".

Keawe was so sunk in his despair, he scarce observed the change, and was only glad he had more hours to sit alone and brood upon his destiny and was not so frequently condemned to pull a smiling face on a sick heart.

Кэаве был так погружен в отчаяние, что почти не замечал этой перемены и был только рад, что может чаще оставаться один и размышлять над своей горькой участью и не надо ему то и дело принуждать себя улыбаться через силу, когда на сердце мрак.

But one day, coming softly through the house, he heard the sound of child sobbing, and there was Kokua rolling her face upon the balcony floor, and weeping like the lost.

Но как-то раз он тихо брел по дому, и почудилось ему, будто плачет ребенок, и он увидел Кокуа: упав ничком, она билась головой о каменные плиты балкона и рыдала в безысходном отчаянии.

"You do well to weep in this house, Kokua," he said.

- Ты права, Кокуа, это дом слез, - сказал Кэаве.

"And yet I would give the head off my body that you (at least) might have been happy."

- И все же я с радостью дал бы отрубить себе голову, чтобы ты, хотя бы ты, была счастлива.

"Happy!" she cried.

- Счастлива! - воскликнула Кокуа.

"Keawe, when you lived alone in your Bright House, you were the word of the island for a happy man; laughter and song were in your mouth, and your face was as bright as the sunrise.

- Когда ты жил один в своем "Сияющем Доме", Кэаве, все считали тебя самым счастливым человеком на острове; - смех и песни были у тебя на устах, и лицо твое было светло, как утренняя заря.

Then you wedded pour Kokua; and the good God knows what is amiss in her--but from that day you have not smiled.

А потом ты женился на бедной Кокуа, и одному небу известно, чем не угодила она тебе, но только с этого дня ты уже больше не улыбаешься.

Ah!" she cried, "what ails me?

Ах, - вскричала Кокуа, - что сделала я дурного?

I thought I was pretty, and I knew I loved him.

Думалось мне: я красива и крепко люблю своего Кэаве.

What ails me that I throw this cloud upon my husband?"

Так в чем же моя вина? Чем омрачила я жизнь моего супруга?

"Poor Kokua," said Keawe.

- Бедняжка Кокуа, - промолвил Кэаве.

He sat down by her side, and sought to take her hand; but that she plucked away.

Он опустился возле нее на пол и хотел взять ее за руку, но она отдернула руку.

"Poor Kokua," he said, again.

- Бедняжка Кокуа, - повторил он.

"My poor child--my pretty.

- Бедное мое дитя... Моя красавица.

And I thought all this while to spare you!

А я-то ведь думал уберечь тебя от горя!

Well, you shall know all.

Ну что ж, теперь ты узнаешь все.

Then, at least, you will pity poor Keawe; then you will understand how much he loved you in the past--that he dared hell for your possession--and how much he loves you still (the poor condemned one), that he can yet call up a smile when he beholds you."

Тогда по крайней мере ты пожалеешь бедного Кэаве; тогда ты поймешь, как сильно он любил тебя, если не испугался ада, чтобы обладать тобой, и как сильно и по сей день этот несчастный, обреченный человек все еще любит тебя, если его уста могут улыбаться, когда он на тебя глядит.

With that, he told her all, even from the beginning.

И тут он поведал ей все, ничего от нее не утаив.

"You have done this for me?" she cried.
- И ты сделал это ради меня? - вскричала Кокуа.

"Ah, well then what do I care!" and she clasped and wept upon him.
--- Ах, о чем же мне тогда тревожиться! - И, обвив руками его шею, она оросила его грудь слезами радости.

"Ah, child!" said Keawe, "and yet, when I consider of the fire of hell, I care a good deal!"
- О дитя! - воскликнул Кэаве. - Когда я думаю об адском пламени, мне есть о чем тревожиться!

"Never tell me," said she; "no man can be lost because he loved Kokua, and no other fault.
- Не говори так, - промолвила она. - Не можешь ты погибнуть без вины за одну лишь любовь к верной Кокуа.

I tell you, Keawe, I shall save you with these hands, or perish in your company.
Слушай меня, Кэаве: я спасу тебя вот этими руками или погибну вместе с тобой.

What! you loved me, and gave your soul, and you think I will not die to save you in return?"
О Кэаве! Ты так любил меня, что сгубил свою душу, и ты думаешь, я не отдам свою жизнь, чтобы спасти тебя?

"Ah, my dear! you might die a hundred times, and what difference would that make?" he cried, "except to leave me lonely till the time comes of my damnation?"
- Ах, моя голубка, ты можешь отдать ее хоть сто раз - разве это что-нибудь изменит? - воскликнул Кэаве. - Только оставишь меня в одиночестве влачить свои дни, пока не придет час расплаты.

"You know nothing," said she.
- Ты ничего не понимаешь, - возразила Кокуа.

"I was educated in a school in Honolulu; I am no common girl.
- Я не простая, неграмотная девушка - я училась в школе в Гонолулу.

And I tell you, I shall save my lover.
Г оворю тебе, я спасу моего возлюбленного супруга.

What is this you say about a cent? But all the world is not American.
Один цент, сказал ты? Но разве одни только американские деньги в ходу на свете?

In England they have a piece they call a farthing, which is about half a cent.
В Англии, например, есть монета, которая называется фартинг, и она равна примерно половине цента.

Ah! sorrow!" she cried, "that makes
Ах, горе, горе! - воскликнула

it scarcely better, for the buyer must be lost, and we shall find none so brave as my Keawe!

Кокуа. - Нет, это нам не поможет: ведь тот, кто купит бутылку за фартинг, уже пропал, а разве сыщется хоть один такой отважный человек, как мой Кэаве!

But, then, there is France; they have a small coin there which they call a centime, and these go five to the cent or thereabout.

Но есть еще Франция, и там имеет хождение мелкая монета под названием сантим, и этих сантимов дают пять, не то шесть за один цент.

We could not do better.

Ничего лучше не придумаешь.

Come, Keawe, let us go to the French islands; let us go to Tahiti, as fast as ships can bear us.

Собирайся. Кэаве, едем на французские острова. Сядем на корабль, и он быстро доставит нас на Таити.

There we have four centimes, three centimes, two centimes one centime; four possible sales to come and go on; and two of us to push the bargain.

А там уже можно продать бутылку за четыре сантима, за три, за два, за один сантим. Подумай: есть возможность еще четыре раза продать бутылку, и нас двое, чтобы заняться этим!

Come, my Keawe! kiss me, and banish care.

Ну же, поцелуй меня, мой Кэаве, и прогони тревогу прочь.

Kokua will defend you."

Кокуа не даст тебя в обиду.

"Gift of God!" he cried.

- Ты божий дар! - воскликнул Кэаве.

"I cannot think that God will punish me for desiring aught so good!

- Не верю я, чтобы господь бог помог покарать меня за то, что я возжелал обрести такое сокровище!

Be it as you will, then; take me where you please: I put my life and my salvation in your hands."

Пусть же все будет, как ты сказала: вези меня, куда надумала, вручаю тебе свою жизнь и свое спасение.

Early the next day Kokua was about her preparations. She took Keawe's chest that he went with sailoring; and first she put the bottle in a corner; and then packed it with the richest of the clothes and the bravest of the knick-knacks in the house.

С утра Кокуа начала собираться в дорогу; она взяла сундучок Кэаве, который он брал с собой в плавание, и прежде всего запихнула в угол на самое дно бутылку, а сверху положила самые дорогие одежды и самые диковинные безделушки, какие были в доме.

"For," said she, "we must seem to be rich folks, or who will believe in the bottle?"

Ведь нас должны считать богачами, - сказала она, - иначе кто же поверит в волшебную бутылку?

All the time of her preparation she was as gay as a bird; only when she looked upon Keawe, the tears would spring in her eye, and she must run and kiss him.

Собираясь в путь, Кокуа все время была весела, как птичка, и лишь порой, когда она украдкой поглядывала на мужа, слеза мутила ее взор, и тогда, подбежав к нему, она нежно его целовала.

As for Keawe, a weight was off his soul; now that he had his secret shared, and some hope in front of him, he seemed like a new man, his feet went lightly on the earth, and his breath was good to him again.

А у Кэаве будто камень с души свалился; теперь, когда он открыл свою тайну Кокуа и перед ним забрезжил луч надежды, он словно возродился; ноги его опять легко ступали по земле, и он уже больше не вздыхал.

Yet was terror still at his elbow; and ever and again, as the wind blows out a taper, hope died in him, and he saw the flames toss and the red fire burn in hell.

Но все же страх не совсем оставил его; временами надежда начинала угасать в нем, подобно тому, как гаснет на ветру слабый огонек свечи, и тогда перед глазами его снова бушевало адское пламя и колыхались огненные языки.

It was given out in the country they were gone pleasuring to the States, which was thought a strange thing, and yet not so strange as the truth, if any could have guessed it.

Они тут же распустили слух, что отправляются для развлечения путешествовать в Штаты, и все немало этому удивились, но дознайся кто-нибудь до истины, так, верно, удивился бы еще больше.

So they went to Honolulu in the Hall, and thence in the Umatilla to San Francisco with a crowd of Haoles, and at San Francisco took their passage by the mail brigantine, the Tropic Bird for Papeete, the chief place of the French in the south islands.

И вот Кэаве и Кокуа отплыли на пароходе "Ковчег" в Гонолулу, а оттуда вместе с толпой белых пассажиров на "Юматилле" - в Сан-Франциско и там пересели на почтовую бригантину "Птица тропиков", которая доставила их в Папеэте - главное поселение французов на Южных островах.

Thither they came, after a pleasant

Путешествие было приятным, и с

voyage, on a fair day of the Trade Wind, and saw the reef with the surf breaking, and Motuiti with its palms, and the schooner riding within- side, and the white houses of the town low down along the shore among green trees, and overhead the mountains and the clouds of Tahiti, the wise island.

попутным пассатом они прибыли на место в солнечный день и увидели риф, о который разбивался прибой, и Мотуити с его высокими пальмами, и шхуну, скользившую вдоль берега, и белые дома города, раскинувшегося у самого моря под сенью зеленых деревьев, а за ним - высокие горы и облака Таити - острова мудрецов.

It was judged the most wise to hire a house, which they did accordingly, opposite the British Consul's, to make a great parade of money, and themselves conspicuous with carriages and horses.

Обсудив, порешили, что разумнее всего арендовать дом. Так они и сделали и поселились напротив английского консульства, чтобы сразу щегольнуть деньгами и привлечь к себе внимание своими лошадьми и экипажами.

This it was very easy to do, so long as they had the bottle in their possession; for Kokua was more bold than Keawe, and whenever she had a mind, called on the imp for twenty or a hundred dollars.

Все это давалось им легче легкого: ведь у них была бутылка, а Кокуа оказалась куда храбрее Кэаве и по любому поводу требовала от черта то двадцать долларов, а то и сто.

At this rate they soon grew to be remarked in the town; and the strangers from Hawaii, their riding and their driving, the fine holokus and the rich lace of Kokua, became the matter of much talk.

Так они очень быстро сделались известными всему городу, и об этих приезжих гавайцах, об их верховых лошадях и экипажах, о нарядных туалетах и дорогих украшениях Кокуа шло множество толков.

They got on well after the first with the Tahitian language, which is indeed like to the Hawaiian, with a change of certain letters; and as soon as they had any freedom of speech, began to push the bottle.

Они довольно быстро освоились с таитянским языком, ибо он, в сущности, очень похож на гавайский и отличается лишь немногими звуками, а научившись им владеть, тут же принялись предлагать людям свою бутылку.

You are to consider it was not an easy subject to introduce; it was not easy to persuade people you were in earnest, when you offered

Ну, вы, конечно, понимаете, что даже приступиться к такому делу не очень-то просто; не очень-то просто убедить людей,

so sell them for four centimes the spring of health and riches inexhaustible.

что вы всерьез готовы продать юношеского здоровья и неиссякаемого богатства.

It was necessary besides to explain the dangers of the bottle; and either people disbelieved the whole thing and laughed or they thought the more of the darker part, became overcast with gravity, and drew away from Keawe and Kokua, as from persons who had dealings with the devil.

Приходилось при этом говорить и об опасностях, таящихся в бутылке, после чего люди либо вовсе переставали им верить и только смеялись, либо пугались такой темной сделки, мрачнели и угрюмо спешили прочь от этих Кэаве и Кокуа, связавшихся с Сатаной.

So far from gaining ground, these two began to find they were avoided in the town; the children ran away from them screaming, thing intolerable to Kokua; Catholics crossed themselves as they went by; and all persons began with one accord to disengage themselves from their advances.

И вот, нисколько не преуспев в своих замыслах, супруги стали замечать, что в городе их асторонятся. Дети, завидя их, с визгом бросались врассыпную - а для Кокуа это было прямо как нож острый, - католики при встрече осеняли себя крестным знамением, и мало-помалу все, точно сговорившись, стали их избегать.

Depression fell upon their spirits.

Они пали духом.

They would sit at night in their new house, after a day's weariness, and not exchange one word, or the silence would be broken by Kokua bursting suddenly into sobs.

Проведя унылый день в тоске, они сидели ночью без сна в своем новом доме и не обменивались ни единым словом; лишь рыдания Кокуа порой внезапно нарушали тишину.

Sometimes they would pray together; sometimes they would have the bottle out upon the floor, and sit all evening watching how the shadow hovered in the midst.

Иногда они принимались молиться богу; иногда, достав бутылку, ставили ее на пол и целый вечер сидели так, глядя, как трепещет внутри нее бесформенная тень.

At such times they would be afraid to go to rest. It was long ere slumber came to them, and if either dozed off, it would be to wake and find the other silently weeping in the dark, or perhaps, to

В такие минуты страх мешал им улечь в постель, и сон долго не смыкал их глаз, а если случалось, что один из них задремлет, то, пробудившись, он услышал приглушенный плач,

wake alone, the other having fled from the house and the neighbourhood of that bottle, too pace under the bananas in the little garden, or to wander on the beach by moonlight.

доносившийся из темноты, или же замечал, что остался в одиночестве, ибо каждый из них стремился убежать из дома, подальше от бутылки, предпочитая побродить под бананами в своем маленьком садике или прогуляться по берегу моря при свете луны.

One night it was so when Kokua awoke. Keawe was gone.

Так вот и случилось однажды ночью: Кокуа пробудилась, а Кэаве не было.

She felt in the bed and his place was cold.

Она пошарила подле себя, но его место успело остыть.

Then fear fell upon her, and she sat up in bed.

Ей стало страшно, и она приподнялась и села на ложе.

A little moonshine filtered through the shutters.

В щели между ставнями пробивался слабый свет луны.

The room was bright, and she could spy the bottle on the floor.

Он освещал комнату, и Кокуа различила бутылку, стоявшую на полу.

Outside it blew high, the great trees of the avenue cried aloud, and the fallen leaves rattled in the verandah.

За окнами бушевала непогода, высокие деревья перед домом уныло скрипели под ветром, и опавшие листья шелестели на полу веранды.

In the midst of this Kokua was aware of another sound; whether of a beast or of a man she could scarce tell, but it was as sad as death, and cut her to the soul.

Но в этом шуме ухо Кокуа уловило и другие звуки - жалобные, словно предсмертные, стоны не то человека, не то животного, и они проникли ей в самое сердце.

Softly she arose, set the door ajar, and looked forth in the moonlit yard.

Она тихонько встала, приотворила дверь и выглянула в залитый луной сад.

There, under the bananas, lay Keawe, his mouth in the dust, and as he lay he moaned.

Там, под банановым деревом, уткнувшись лицом в землю, лежал Кэаве, и из груди его вырывались стенания.

It was Kokua's first thought to run forward and console him; her second potently withheld her.

Хотела было Кокуа броситься к мужу и утешить его, но внезапно новая мысль приковала ее к месту.

Keawe had borne himself before

Кэаве всегда старался быть

his wife like a brave man; it became her little in the hour of weakness to intrude upon his shame.

мужественным в ее глазах, и, значит, не пристало ей в минуту его слабости стать свидетельницей его стыда.

With the thought she drew back into the house.

Эта мысль заставила ее возвратиться в дом.

"Heavens!" she thought, "how careless have I been— how weak!

"Боже праведный! - думала Кокуа. - Как беспечна я была, как ничтожна!

It is he, not I that stands in this eternal peril; it was he, not I, that took the curse upon his soul.

Ведь это ему, а не мне, грозит геенна огненная; ведь это он, а не я, навлек проклятье на свою душу.

It is for my sake, and for the love of a creature of so little worth and such poor help , that he now beholds so close to him the flames of hell--ay, and smells the smoke of it, lying without there in the wind and moonlight.

Ради меня, ради своей любви к такому жалкому, беспомощному созданию, видит он теперь перед собой - о горе! - огненные врата ада и, лежа на свежем ветру в лунном сиянии, вдыхает смрадный дым преисподней!

Am I so dull of spirit that never till now I have surmised my duty, or have I seen it before and turned aside?

А я-то, тупая и бесчувственная, до сих пор не понимала, в чем мой долг! А может, и понимала, да шарахалась от него?

But now, at least, I take upon my soul in both the hands of my affection; now I say farewell to the white steps of heaven and the waiting faces of my friends.

Но теперь, пока еще не поздно, своей рукой принесу я свою душу на жертвенник любви; теперь я скажу "прощай!" белым ступеням, ведущим в рай, и поджидающим там меня дорогим друзьям.

A love for a love, and let mine be equalled with Keawe's!

Любовь за любовь, и да будет моя любовь равна его любви!

A soul for a soul, and be it mine to perish!"

Душу за душу, и пусть гибнет моя, а не его!"

She was a deft woman with her hands, and was soon apparelled.

Кокуа была женщиной ловкой и проворной и оделась в мгновение ока.

She took in her hands the change--the precious centimes they kept ever at their side; for this coin is little used, and they had made provision at a Government office.

Затем она взяла мелкие монетки - те драгоценные сантимы, которые они всегда держали наготове; монет этих мало находилось в обращении, и они запаслись ими в банке.

When she was forth in the avenue clouds came on the wind, and the moon was blackened.

Когда Кокуа вышла на улицу, ветер уже нагнал на небо тучи, и они затмили луну.

The town slept, and she knew not whither to turn till she heard one coughing in the shadow of the trees.

Г ород спал, и Кокуа не знала, в какую сторону ей направиться, но тут она услышала, что в тени под деревьями кто-то кашляет.

"Old man," said Kokua, "what do you here abroad in the cold night?"

- Старик, - сказала Кокуа, - что ты здесь делаешь в такую ненастную ночь?

The old man could scarce express himself for coughing, but she made out that he was old and poor, and a stranger in the island.

Старика душил кашель, и он с трудом мог говорить, но все же Кокуа разобрала, что он беден, и стар, и чужой в этих краях.

"Will you do me a service?" said Kokua.

- Не можешь ли ты оказать мне услугу? - спросила Кокуа.

"As one stranger to another, and as an old man to a young woman, will you help a daughter of Hawaii?"

- Ты здесь чужой, и я чужая; ты стар, а я молода. Окажи помощь дочери Гавайев.

"Ah," said the old man. "So you are the witch from the eight islands, and even my old soul you seek to entangle.

- А, так это ты колдунья с восьми островов! -сказал старик.

But I have heard of you, and defy your wickedness."

- И ты хочешь завлечь в свои сети душу даже такого старика, как я?

"Sit down here," said Kokua, "and let me tell you a tale."

Но я уже слышал о тебе и не боюсь твоих злых чар.

And she told him the story of Keawe from the beginning to the end.

- Сядем здесь, - сказала Кокуа, - и позволь, я расскажу тебе одну быль.

"And now," said she,

- И она поведала ему все, что случилось с Кэаве, от начала до конца.

"I am his wife, whom he bought with his soul's welfare.

- И вот, - сказала она, - я его жена, и чтобы получить меня, он погубил свою бессмертную душу.

And what should I do?

Так что же мне теперь делать?

If I went to him myself and offered to buy it, he would refuse.

Если я сама попрошу его продать мне бутылку, он не согласится.

But if you go, he will sell it

Но если это предложишь ему ты,

eagerly; I will await you here; you
will buy it for four centimes, and I
will buy it again for three. And the
Lord strengthen a poor girl!"

"If you meant falsely," said the old-
man, "I think God would strike you
dead."

"He would!" cried Kokua.

"Be sure he would.
I could not be so treacherous--God
would not suffer it."

"Give me the four centimes and
await me here," said the old man.

Now, when Kokua stood alone in
the street, her spirit died.

The wind roared in the trees, and
it seemed to her the rushing of the
flames of hell; the shadows tossed
in the light of the street lamp, and
they seemed to her the snatching
hands of evil ones.

If she had had the strength, she
must have run away, and if she
had had the breath she must have
screamed aloud; but, in truth, she
could do neither, and stood
trembled in the avenue, like an
affrighted child.

Then she saw the old man
returning, and he had the bottle in
his hand.

"I have done your bidding," said
he.

"I left your husband weeping like a
child; tonight he will sleep easy."

And he held the bottle forth.

"Before you give it me," Kokua-

он с великой охотой продаст ее
тебе. А я буду ждать здесь. Ты
купишь бутылку за четыре
сантима, а я куплю ее у тебя за
три, и да поможет бог мне,
несчастной!

- Если ты меня обманешь, -
сказал старик, - пусть господь
покарает тебя смертью.

- Пусть покарает! - вскричала
Кокуа.

- Не сомневайся, старик!
Я не могу тебя предать: господь
этого не допустит.

- Дай мне четыре сантима и жди
меня здесь, -сказал старик.

Однако, оставшись на улице
одна, Кокуа оробела.

Ветер завывал в верхушках
деревьев, и ей казалось, что она
слышит, как бушует адское
пламя; уличный фонарь
отбрасывал колеблющиеся тени,
и ей казалось, что это тянутся к
ней жадные руки нечистого.

Будь у нее силы, она бросилась
бы бежать, закричала бы, но у
нее перехватило дыхание;
воистину не могла она ни
крикнуть, ни двинуться с места
и стояла посреди улицы, дрожа,
как испуганный ребенок.

И тут она увидела, что старик
возвращается и в руке у него
бутылка.

- Я исполнил твою просьбу, -
сказал старик.

- Твой муж плакал от радости,
как малое дитя, когда я от него
уходил. Эту ночь он будет спать
спокойно.

- И с этими словами старик
протянул Кокуа бутылку.

- Постой, - задыхаясь,

panted, "take the good with the evil--ask to be delivered from your cough."

промолвила Кокуа. - Раз уж ты связался с нечистой силой, так пусть хоть не зря. Прежде чем ты отдашь мне бутылку, прикажи ей исцелить тебя от кашля.

"I am an old man," replied the other, "and too near the gate of the grave to take a favour from the devil.

- Я старый человек, и негоже мне, стоя одной ногой в могиле, принимать милости от дьявола, - сказал старик.

But what is this?

- Ну, что же ты?

Why do you not take the bottle?

Почему не берешь бутылку?

Do you hesitate?"

Ты что, раздумала?

"Not hesitate!" cried Kokua.

- Нет, я не раздумала! - воскликнула Кокуа.

"I am only weak.

- Просто я слаба.

Give me a moment.

Обожди еще немного.

It is my hand resists, my flesh shrinks back from the accursed thing.

Рука моя не подымается, - и я вся дрожу от страха перед этой проклятой бутылкой.

One moment only!"

Повремени еще немного, дай мне собраться с духом.

The old man looked upon Kokua kindly.

Старик с сочувствием поглядел на Кокуа.

"Poor child!" said he, "you fear; your soul misgives you.

- Бедное дитя! - сказал он. - Тебе страшно, твое сердце чует беду.

Well, let me keep it.

Ладно, я оставлю бутылку себе.

I am old and can never more be happy in this world, and as for the next--"

Я стар, и мне уже не ждать радости на этом свете, ну, а на том...

"Give it me!" gasped Kokua.

- Дай мне ее! - вскричала Кокуа.

"There is your money.

- Возьми деньги.

Do you think I am so base as that? give me the bottle."

Как ты мог подумать, что я способна на такую низость? Отдай мне бутылку.

"God bless you, child," said the old-man.

- Да благословит тебя бог, дитя! - сказал старик.

Kokua concealed the bottle under her holoku, said farewell to the old man, and walked off along the avenue, she cared not whither.

Кокуа спрятала бутылку под холоку, попрощалась со стариком и пошла по улице куда глаза глядят.

For all roads were not the same to her, and led equally to hell.

Ибо для нее все пути были теперь едины - все вели в ад.

Sometimes she walked, and sometimes ran; sometimes she

Она то шла, то бежала; порой горестный ее вопль громко

screamed out loud in the night, and sometimes lay by the wayside in the dust and wept.
раздавался в ночи, а порой она лежала на земле у дороги и тихо плакала.

All that she had heard of hell came back to her; she saw the flames blaze, and she smelt the smoke, and her flesh withered on the coals.
Все, что она слышала о преисподней, вставало перед ее глазами; она видела огненные языки пламени, вдыхала запах серы и чувствовала, как тело ее опаляет жар раскаленных углей.

Near the day she came to her mind again, and returned to the house.
Только на рассвете опомнилась она и возвратилась домой.

It was even as the old man said--Keawe slumbered like a child.
Все было именно так, как сказал старик: Кэаве спал, словно младенец в колыбели.

Kokua stood and gazed upon his face.
Кокуа стояла и смотрела на него.

"Now, my husband," said she, "it is your turn to sleep.
"Теперь, мой супруг, - думала она, - настал твой черед спокойно спать.

When you wake it will be your turn to sing and laugh.
И петь и смеяться, когда проснешься.

But for poor Kokua, alas! that meant no evil--for poor Kokua no more sleep, no more singing, no more delight, whether in earth or heaven."
Но для бедной Кокуа, хотя она и не причинила никому зла - увы! - для бедной Кокуа не будет больше ни сна, ни песен, ни радости - ни на земле, ни на небесах".

With that she lay down int he bed by his side, and her misery was so extreme that she fell in a deep slumber instantly.
И Кокуа легла на ложе рядом со своим супругом, и так истомила ее печаль, что она тут же погрузилась в глубокий сон.

Late in the morning her husband woke her and gave her the good news.
Солнце стояло уже высоко, когда супруг разбудил Кокуа и сообщил ей великую весть.

It seemed he was silly with delight, for he paid no heed to her distress, ill though she dissembled it.
Он, казалось, совсем помешался от радости, ибо даже не заметил ее горя, как ни плохо умела она его скрывать.

The words stuck in her mouth, it mattered not; Keawe did the speaking.
Слова не шли у нее с языка, но это не имело значения: Кэаве говорил за двоих.

She ate not a bite, but who was to observe it? for Keawe cleared the dish.
Кусок застревал у ней в горле, но кто заметил это? Кэаве один очистил все блюдо.

Kokua saw and heard him, like some strange thing in a dream; there were times when she forgot or doubted, and put her hands to her brow; to know herself doomed and hear her husband babble, seemed so monstrous.

Кокуа смотрела на него и слушала его словно во сне; порой она забывала на миг о том, что произошло, а порой ей начинало казаться, что ничего этого не было, и она прикладывала руку ко лбу.

All the while Keawe was eating and talking, and planning the time of their return, and thanking her for saving him, and fondling her, and calling her the true help er after all.

Кокуа знала, что она обречена на вечные муки, и слышать, как ее муж лепечет всякий вздор, словно малое дитя, было ей невыносимо тяжело. А Кэаве все ел, и болтал, и строил планы, мечтая поскорее возвратиться домой, и благодарил Кокуа за то, что она его спасла, и ласкал ее, и называл своей избавительницей.

He laughed at the old man that was fool enough to buy that bottle.

И он насмехался над стариком, который был так глуп, что купил бутылку.

"A worthy old man he seemed," Keawe said.

- Мне показалось, что это вполне достойный старик, - сказал Кэаве.

"But no one can judge by appearances.

- Но никогда нельзя судить по внешности.

For why did the old reprobate require the bottle?"

Зачем этому старому нечестивцу понадобилась бутылка?

"My husband," said Kokua, humbly, "his purpose may have been good."

- Быть может, у него были добрые намерения, супруг мой, - смиренно возразила Кокуа.

Keawe laughed like an angry man.

Но Кэаве сердито рассмеялся.

"Fiddle-de-dee!" cried Keawe.

- Вздор! - воскликнул он.

"An old rogue, I tell you; and an old ass to boot.

- Говорю тебе, это старый плут да вдобавок еще осел.

For the bottle was hard enough to sell at four centimes; and at three it will be quite impossible.

И за четыре-то сантима эту бутылку было трудно продать, а уж за три и подавно никто не купит.

The margin is not broad enough, the thing begins to smell of scorching--brrr!" said he, and shuddered.

Опасность слишком велика! Бр! Тут уж попахивает паленым! - вскричал он и передернул плечами.

"It is true I bought it myself at a-

- Правда, я и сам купил ее за

cent, when I knew not there were smaller coins.
один цент, не подозревая о том, что существует более мелкая монета.

I was a fool for my pains; there will never be found another: and whoever has that bottle now will carry it to the pit."
А потом мучился, как дурак. Но второго такого дурака не сыщется; тот, у кого теперь эта бутылка, утащит ее с собой в пекло.

"O my husband!" said Kokua.
- О мой супруг! - сказала Кокуа.

"It is not a terrible thing to save oneself by the eternal ruin of another?
- Разве не ужасно, спасая себя, обречь на вечные муки другого?

It seems to me I could not laugh.
Мне кажется, я не могла бы над этим смеяться.

I would be humbled.
Я была бы пристыжена.

I would be filled with melancholy. I would pray for the poor holder."
Мне было бы горестно и тяжко, и я стала бы молиться за несчастного, которому досталась бутылка.

Then Keawe, because he felt the truth of what she said, grew the more angry.
Но тут Кэаве, почувствовав правду в ее словах, рассердился еще пуще.

"Heighty-teighty!" cried he.
- Ишь ты какая! - вскричал он.

"You maybe filled with melancholy if you please.
- Ну и горюй себе на здоровье, если тебе так нравится.

It is not the mind of a good wife.
Только разве это подобает доброй жене?

If you thought at all of me, you would sit shamed."
Если бы ты хоть немного сочувствовала мне, ты бы устыдилась своих слов.

Thereupon he went out, and Kokua was alone.
И, сказав так, он ушел из дому, и Кокуа осталась одна.

What chance had she to sell that bottle at two centimes?
Как могла она надеяться продать бутылку за два сантима?

None, she perceived.
Да никак; и она это понимала.

And if she had any, here was her husband hurrying her away to a country where there was nothing lower than a cent.
И даже если бы у нее еще и теплилась такая надежда, так ведь супруг торопил ее с отъездом туда, где в обращении не было монеты мельче цента.

Она принесла себя в жертву, и что же?

And here--on the morrow of her sacrifice--was her husband leaving
На следующее же утро супруг осудил ее и ушел из дому.

her and blaming her.

She would not even try to profit by what time she had, but sat in the house, and now had the bottle out and viewed it with unutterable fear, and now, with loathing, hid it out of sight.

Кокуа даже не пыталась использовать оставшееся у нее время; она просто сидела одна в доме и то доставала бутылку и с неизъяснимым страхом смотрела на нее, то с содроганием убирала ее прочь.

By-and-by, Keawe came back, and would have her take a drive.

Но вот наконец возвратился домой Кэаве и предложил жене поехать покататься.

"My husband, I am ill," she said.

- Мне нездоровится, супруг мой, - отвечала Кокуа.

"I am out of heart. Excuse me, I can take no pleasure."

- Прости, но у меня тяжело на душе и нет охоты развлекаться.

Then was Keawe more wroth than ever.

Тут Кэаве разгневался еще больше.

With her, because he thought she was brooding over the case of the old man; and with himself, because thought she was right, and was ashamed to be so happy.

И на жену разгневался, решив, что она печалится из-за старика, и на себя, потому что видел ее правоту и стыдился своей неуемной радости.

"This is your truth," cried he, "and this your affection!

- Вот она - твоя преданность! - вскричал он. - Вот она - твоя любовь!

Your husband is just saved from eternal ruin, which he encountered for the love of you--and you take no pleasure!

Муж твой едва избежал вечных мук, на которые он обрек себя из любви к тебе, а ты даже не радуешься!

Kokua, you have a disloyal heart."

У тебя вероломное сердце, Кокуа!

He went forth again furious, and wandered in the town all day.

И Кэаве в ярости снова выбежал из дома и слонялся по городу целый день.

He met friends, and drank with them; they hired a carriage and drove into the country, and there drank again.

Он повстречал друзей и бражничал с ними. Они наняли экипаж и поехали за город и там бражничали снова.

All the time Keawe was ill at ease, because he was taking this pastime while his wife was sad, and because he knew in his heart that she was more right than he; and the knowledge made him drink the

Но Кэаве все время было не по себе из-за того, что он так беззаботно веселится, когда его жена печалится. В душе он понимал, что правда на ее стороне, и оттого, что он это

deeper.

понимал, ему еще больше хотелось напиться.

Now there was an old brutal Haole drinking with him, one that had been a boatswain of a whaler, a runaway, a digger in gold mines, a convict in prisons.

А в компании с ним гулял один старик хаоле, очень низкий и грубый человек. Когда-то он был боцманом на китобойном судне, потом бродяжничал, потом мыл золото на приисках и сидел в тюрьме.

He had a low mind and a foul mouth; he loved to drink and to see other drunken; and he pressed the glass upon Keawe.

У него был грязный язык и низкая душа; он любил пить и спаивать других и все подбивал Кэаве выпить еще.

Soon there was no more money in the company.

Вскоре ни у кого из всей компании не осталось больше денег.

"Here, you!" says the boatswain, "you are rich, you have been always saying. You have a bottle or some foolishness."

- Эй, ты! - сказал он Кэаве. - Ты же богач - сам всегда хвалился. У тебя есть бутылка с разными фокусами.

"Yes," says Keawe,

- Да, - сказал Кэаве.

"I am rich; I will go back and get some money from my wife, who keeps it."

- Я богач. Сейчас пойду домой и возьму денег у жены - они хранятся у нее.

"That's a bad idea, mate," said the boatswain.

- Ну и глупо ты поступаешь, приятель, - сказал боцман.

"Never you trust a petticoat with dollars.

- Кто же доверяет деньги бабам!

They're all as false as water; you keep an eye on her."

Они все неверные, все коварные, как текучая вода. И за твоей тоже нужен глаз да глаз.

Now, this word struck in Keawe's mind; for he was muddled with what he had been drinking.

Слова эти запали Кэаве в душу, потому что у него спьяну все путалось в голове.

"I should not wonder but she was false, indeed," thought he.

"А почем я знаю, может, она и вправду мне неверна? - думал он.

"Why else should she be so cast down at my release?

- С чего бы ей иначе впадать в уныние, когда я спасен?

But I will show her I am not the man to be fooled, I will catch her in the act."

Ну, я ей покажу, со мной шутки плохи. Пойду и поймаю ее на месте преступления".

Accordingly, when they were back

С этой мыслью Кэаве,

in town, Keawe bade the boatswain wait for him at the corner, by the old calaboose, and went forward up the avenue alone to the door of his house.

возвратившись в город, велел боцману ждать его на углу, возле старого острога, а сам направился один к своему дому.

The night had come again; there was a light within, but never a sound; and Keawe crept about the corner, opened the back door softly, and looked in.

Уже настала ночь, и в окнах горел свет, но из дома не доносилось ни звука, и Кэаве завернул за угол, тихонько подкрался к задней двери, неслышно отворил ее и заглянул в комнату.

There was Kokua on the floor, the lamp at her side, before her was a milk-white bottle, with a round belly and a long neck; and as she viewed it, Kokua wrong her hands.

На полу возле горящей лампы сидела Кокуа, а перед ней стояла молочно-белая пузатая бутылка с длинным горлышком, и Кокуа глядела на нее, ломая руки.

A long time Keawe stood and looked in the doorway.

Кэаве прирос к порогу и долго не мог двинуться с места.

At first he was struck stupid; and then fear fell upon him that the bargain had been made amiss, and the bottle had come back to him as it came at San Francisco; and at that his knees were loosened, and the fumes of the wine departed from his head like mists off a river in the morning.

Сначала он просто остолбенел и стоял как дурак, ничего не понимая, а затем его обуял страх: он подумал, что сделка почему-либо сорвалась и бутылка вернулась к нему обратно, как было в Сан-Франциско, и тут у него подкосились колени и винные пары выветрились из головы, растаяв, как речной туман на утренней заре.

And then he had another thought; and it was a strange one, that made his cheeks to burn.

Но потом новая, очень странная мысль осенила его и горячая краска залила щеки.

"I must make sure of this," thought he.

"Надо это проверить", - подумал он.

So he closed the door, and went softly round the corner again, and then came noisily in, as though he were but now returned.

Кэаве осторожно притворил дверь, снова тихонько обогнул дом, а затем с большим шумом зашагал обратно, делая вид, будто только сейчас возвратился домой.

And, lo! by the time he opened the

И что же! Когда он отворил

front door no bottle was to be seen; and Kokua sat in a chair and started up like one awakened out of sleep.

"I have been drinking all day and making merry," said Keawe.

"I have been with good companions, and now I only come back for money, and return to drink and carouse with them again."

Both his face and voice were as stern as judgement, but Kokua was too troubled to observe.

"You do well to use your own, my husband," said she, and her words trembled.

"O, I do well in all things," said Keawe, and he went straight to the chest and took out money.

But he looked besides in the corner where they kept the bottle, and there was no bottle there.

At that the chest heaved upon the floor like a sea-billow, and the house span about him like a wreath of smoke, for he saw he was lost now, and there was no escape.

"It is what I feared," he thought.

"It is she who bought it."

And then he came to himself a little and rose up; but the sweat streamed on his face as thick as the rain and as cold as the well-water.

"Kokua," said he,

"I said to you today what ill became me.

парадную дверь, никакой бутылки не было и в помине, а Кокуа сидела в кресле и при его появлении вздрогнула и выпрямилась, словно стряхнув с себя сон.

- Я весь день пировал и веселился, - сказал Кэаве.

- Я был с моими добрыми друзьями, а сейчас пришел взять денег - мы хотим продолжать наше пиршество.

И лицо и голос его были мрачны и суровы, как страшный суд, но Кокуа в своем расстройстве ничего не заметила.

- Ты поступаешь правильно, супруг мой, ведь здесь все твое, - сказала она, и голос ее дрогнул.

- Да, я всегда поступаю правильно, - сказал Кэаве, подошел прямо к своему сундучку и достал деньги.

Но он успел заглянуть на дно сундучка, где хранилась бутылка, и ее там не было.

И тут комната поплыла у него перед глазами, как завиток дыма, и сундучок закачался на полу, словно на морской волне, ибо Кэаве понял, что теперь погибло все и спасения нет.

"Так и есть, этого я и боялся, - подумал он.

- Это она купила бутылку".

Наконец он пришел в себя и собрался уходить, но капли пота, обильные, как дождь, и холодные, как ключевая вода, струились по его лицу.

- Кокуа, - сказал Кэаве.

- Негоже мне было так говорить с тобой сегодня.

Now I return to carouse with my jolly companions," and at that he laughed a little quietly.

Сейчас я возвращаюсь к моим невеселым друзьям, чтобы пировать с ними дальше.

"I will take more pleasure in the cup if you forgive me."

- Тут он негромко рассмеялся и добавил: - Но мне будет веселее пить вино, если ты простишь меня.

She clasped his knees in a moment; she kissed his knees with flowing tears.

Она бросилась к нему, обвила его колени руками и поцеловала их, оросив слезами.

"O," she cried,

- Ах! - воскликнула она.

"I asked but a kind word!"

- Мне ничего не нужно от тебя, кроме ласкового слова!

"Let us never one think hardly of the other," said Keawe, and was gone out of the house.

- Пусть отныне ни один из нас не подумает дурно о другом, - сказал Кэаве и ушел.

Now, the money that Keawe had taken was only some of that store of centime piece they had laid in at their arrival.

А теперь послушайте: ведь Кэаве взял лишь несколько сантимов - из тех, какими они запаслись сразу по приезде.

It was very sure he had no mind to be drinking.

Никакой попойки у него сейчас и в мыслях не было.

His wife had given her soul for him, now he must give his for hers; no other thought was in the world with him.

Его жена ради него погубила свою душу, и теперь он ради нее должен был погубить свою. Ни о чем другом на свете он сейчас и не помышлял.

At the corner, by the old calaboose, there was the boatswain waiting.

Боцман поджидал его на углу, возле старого острога.

"My wife has the bottle," said Keawe, "and, unless you help me to recover it, there can be no more money and no more liquor tonight."

- Бутылкой завладела моя жена, - сказал ему Кэаве, - и если ты не поможешь мне раздобыть ее, не будет больше у нас с тобой сегодня ни денег, ни вина.

"You do not mean to say you are serious about that bottle?" cried the boatswain.

- Да неужто ты не шутишь насчет этой бутылки?

"There is the lamp," said Keawe.

- Подойдем к фонарю, - сказал Кэаве.

"Do I look as if I was jesting?"

- Взгляни: похоже, чтобы я шутил?

"That is so," said the boatswain.

- Что верно, то верно, - сказал боцман.

"You look as serious as a ghost." - Вид у тебя серьезный, прямо как у привидения.

"Well, then," said Keawe, "here are- Так слушай, - сказал Кэаве. - two centimes; you must go to my Вот два сантима. Ступай к моей wife in the house, and offer her жене и предложи ей продать these for the bottle, which (if I am тебе за эти деньги бутылку, и not much mistaken) she will give она - если я хоть что-нибудь еще you instantly. соображаю - тотчас же тебе ее отдаст.

Bring it to me here, and I will buy Тащи бутылку сюда, и я куплю it back from you for one; for that is see у тебя за один сантим. the law with this bottle, that it still Потому что такой уж тут must be sold for a less sum. действует закон: эту бутылку можно продать только с убытком.

But whatever you do, never Но смотри не проговорись жене, breathe a word to her that you что это я тебя прислал. have come from me."

"Mate, I wonder are you making a- А может, ты меня дурачишь, fool of me?" asked the boatswain. приятель? -спросил боцман.

"It will do you no harm if I am," - Ну пусть так, что ты на этом returned Keawe. теряешь? - возразил Кэаве.

"That is so, mate," said the- Это верно, приятель, - boatswain. согласился боцман.

"And if you doubt me," added- Если ты мне не веришь, - Keawe, "you can try. сказал Кэаве, - так попробуй проверь.

As soon as you are clear of the Как только выйдешь из дому, house, wish to have your pocket пожелай себе полный карман full of money, or a bottle of the денег, или бутылку самого best rum, or what you please, and лучшего рому, или еще чего- you will see the virtue of the нибудь, что тебе больше по thing." нраву, и тогда увидишь, какая сила в этой бутылке.

"Very well, Kanaka," says the- Идет, канак, - сказал боцман. boatswain.

"I will try; but if you are having- Пойду попробую. Но если ты your fun out of me, I will take my решил потешиться надо мной, я fun out of you with a belaying тоже над тобой потешусь - pin." вымбовкой по голове.

So the whaler-man went off upon И старый китобой зашагал по the avenue; and Keawe stood and улице, а Кэаве остался ждать. waited.

It was near the same spot where И было это неподалеку от того

Kokua had waited the night before; but Keawe was more resolved, and never faltered in his purpose; only his soul was bitter with despair.

места, где Кокуа ждала старика в прошлую ночь; только Кэаве был больше исполнен решимости и не колебался ни единого мгновения, хотя на душе у него было черным-черно от отчаяния.

It seemed a long time he had to wait before he heard a voice singing in the darkness of the avenue.

Долго, как показалось Кэаве, пришлось ему ждать, но вот из мрака до него донеслось пение.

He knew the voice to be the boatswain's; but it was strange how drunken it appeared upon a sudden.

Кэаве узнал голос боцмана и удивился: когда это он успел так напиться?

Next, the man himself came stumbling into the light of the lamp.

Наконец в свете уличного фонаря появился, пошатываясь, боцман.

He had the devil's bottle buttoned in his coat; another bottle was in his hand; and even as he came in view he raised it to his mouth and drank.

Сатанинская эта бутылка была спрятана у него под бушлатом, застегнутым на все пуговицы. А в руке была другая бутылка, и, приближаясь к Кэаве, он все отхлебывал из нее на ходу.

"You have it," said Keawe. "I see that."

- Я вижу, - сказал Кэаве, - ты ее получил.

"Hands off!" cried the boatswain, jumping back.

- Руки прочь! - крикнул боцман, отскакивая назад.

"Take a step near me, and I'll smash your mouth.

- Подойдешь ближе, все зубы тебе повышибаю.

You thought you could make a cat's-paw of me, did you?"

Хотел чужими руками жар загребать?

"What do you mean?" cried Keawe.

- Что такое ты говоришь! - воскликнул Кэаве.

"Mean?" cried the boatswain.

- Что я говорю? - повторил боцман.

"This is a pretty good bottle, this is; that's what I mean.

- Эта бутылка мне очень нравится, вот что. Вот это я и говорю.

How I got it for two centimes I can't make out; but I'm sure you shan't have it for one."

Как досталась она мне за два сантима, я и сам в толк не возьму. Но только будь спокоен, тебе ее за один сантим не получить.

"You mean you won't sell?" gasped Keawe.
- Ты что, не хочешь ее продавать? - пролепетал Кэаве.

"No, sir!" cried the boatswain.
- Нет, сэр! - воскликнул боцман.

"But I'll give you a drink of the rum, if you like."
- Но глотком рома я тебя, так и быть, попотчую.

"I tell you," said Keawe, "the man who has that bottle goes to hell."
- Но говорю же тебе: тот, кто будет владеть этой бутылкой, попадет в ад.

"I reckon I'm going anyway," returned the sailor; "and this bottle's the best thing to go with I've struck yet.
- А я так и так туда попаду, - возразил моряк. - А для путешествия в пекло лучшего спутника, чем эта бутылка, я еще не встречал.

No, sir!" he cried again, "this is my bottle now, and you can go and fish for another."
Нет, сэр! - воскликнул он снова. - Это теперь моя бутылка, а ты ступай отсюда, может, выловишь себе другую.

"Can this be true?" Keawe cried.
- Да неужто ты правду говоришь! - вскричал Кэаве.

"For your own sake, I beseech you, sell it me!"
- Заклинаю тебя, ради твоего же спасения продай ее мне!

"I don't value any of your talk," replied the boatswain.
- Плевать я хотел на твои басни, - отвечал боцман.

"You thought I was a flat; now you see I'm not; and there's an end.
- Ты меня считал простофилей, да не тут-то было -видишь теперь, что тебе меня не провести. Ну, и конец, крышка.

If you won't have a swallow of the rum, I'll have one myself.
Не хочешь хлебнуть рому - сам выпью.

Here's your health, and goodnight to you!"
За твое здоровье, приятель, и прощай!

So off he went down the avenue toward town, and there goes the bottle out of the story.
И он зашагал к центру города, а вместе с ним ушла из нашего рассказа и бутылка.

But Keawe ran to Kokua light as the wind; and great was their joy that night; and great, since then has been the peace of all their days in the Bright House.
А Кэаве, словно на крыльях ветра, полетел к Кокуа, и великой радости была исполнена для них эта ночь, и в великом благоденствии протекали с тех пор их дни в "Сияющем Доме".